



АРКАДИЙ РЕМИНОВ

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ

ПО ТУ СТОРОНУ

Аркадий Неминов

По ту сторону (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986826
«По ту сторону» сборник повестей: Э.РА; Москва; 2012
ISBN 978-5-905693-51-9

Аннотация

Имя талантливого московского писателя Аркадия Неминова пока еще не слишком известно. Он автор журнальных публикаций Издательского Дома «Популярная пресса», где на протяжении нескольких лет выходят его рассказы, лауреат международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль» и международного фонда «Великий странник молодым».

«По ту сторону» – первая книга писателя. Три фантастико-приключенческие повести, включенные в сборник, отражают духовный мир нашего современника, человека, как правило, молодого, только-только вступающего во взрослую жизнь и потому ищущего, решающего свои и чужие проблемы. Поиск своего места под солнцем зачастую заставляют героев попадать в ситуации настолько непредсказуемые и необъяснимые с точки зрения современной науки, что на первом плане оказывается вопрос жизни или смерти.

Содержание

По ту сторону	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	98
Глава 11	107
Глава 12	116
Глава 13	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Аркадий Неминов

«По ту сторону»

сборник повестей

По ту сторону

Глава 1

Солнечный зайчик медленно проплыл по потолку, словно раздумывая, куда ему направиться дальше. Видимо, надумав, он осторожно спустился по стене и замер на портрете Некрасова. Затем медленно прошелся по лицам других классиков, но, не доходя до Маяковского, спрыгнул к доске и стал вчитываться в название темы сочинения *«Реальность и фантастика в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце».*

«Ну и тоска! – Витька Стрельников по прозвищу Стрела, с трудом сдерживая зевоту, сонно следил за любопытным зайчиком. – Мне бы твои заботы!»

Ему, ученику девятого класса средней московской школы, было лень. Лень сидеть на уроке, когда за окном вовсю бушует весна, лень писать это проклятое сочинение, да и знать бы еще, про что писать! Было лень даже следить за ненормаль-

ным солнечным зайчиком... Вот бы сейчас куда-нибудь на речку, да с удочкой. А еще лучше на лодке. Можно было бы и Мякиша взять. Все-таки друг, как-никак! Витька повернул голову в сторону Саши Мякишева, который, увлеченно грызя шариковую ручку и морща лоб под жестким ежиком рыжих волос, пытался писать сочинение. Он что, действительно что-то знает? Тогда почему Витька ни в зуб ногой?

– Стрельников! – раздался голос Веры Ивановны. – Сколько можно вертеться? Уж пол урока прошло, а ты еще, поди, не единой строчки не написал?!

Вера Ивановна, как всегда, ухватила самую суть проблемы. Что там пол урока, почти пятнадцать лет прожито, и все – зазря! Вот так и вся жизнь пролетит, а он, Витька, ничего не узнает интересного, нигде не побывает, и все потому, что – лень!

– Вер Ванна, можно выйти? – Витька умоляюще протянул руку вверх, будто желая ответить урок.

– Ну, что еще, Стрельников, ты придумал? Учти, от сочинения ты все равно не отвертишься. Или получишь заслуженное «два» и не будешь допущен к экзамену по литературе.

– Вер Ванна! У меня и правда – живот заболел. Ей богу, сидеть не могу!

– Иди уж. И помни, что я сказала!

– Стрела стрелой промчалась в туалет! – продекламировал Дима Бублик – доморощенный шут и злейший Витькин

враг. В классе расслабленно заржали.

Витька вылез из-за парты и, прихватив портфель, медленно побрел к двери, всем своим видом показывая, насколько он страдает от боли в животе. И, уже закрывая дверь, показал кулак Бублику. Краем глаза увидел, как удивленный Мякиш рассеянно глядит на него, словно спрашивая, что он задумал. Витька жестом показал Мякишу, чтобы выходил за ним, но тот отрицательно покачал головой.

«Ну и черт с тобой! – в сердцах обругал его Витька про себя. – Писатель, блин, выискался!»

Витька выпорхнул на улицу. Как все-таки здорово, что за зимой приходит весна! Настроение у него было хорошее, несмотря на угрозы Вер Ванны про экзамены. Эта единственная заноза, сидевшая в его сердце, не давала ему расслабиться и полностью насладиться обретенной вдруг на целых двадцать пять минут свободой.

– Эй, пацан! Пойди сюда! – Услышал вдруг Витька за своей спиной. Он оглянулся – у киоска, куда прибрел Витька, стоял широкоплечий молодой мужчина с рюкзаком за плечами. Витька настороженно подошел к нему, исподлобья рассматривая крепкого, с широкой грудью спортсмена – парня лет тридцати.

– Ты не знаешь, где здесь школа номер сто сорок три?

– Ну, знаю. Я в ней учусь. – Витька недоверчиво смотрел на спортсмена, силясь понять: зачем ему, взрослому, нужна эта ненавистная школа. – А зачем вам?

Нет, Витька вовсе не был излишне любопытным, просто сейчас ему действительно нечем было заняться.

– Да я, понимаешь, буду работать в вашей школе – военруком! – Парень улыбнулся широкой белозубой улыбкой и сразу стал немного напоминать известного актера Пореченкова. – Тебя как звать? – Он продолжал улыбаться, идя за Витькой. – Ты в каком классе, в восьмом?

– Почему в восьмом, в девятом! – обиделся Витька. – Стрельников Виктор, Советский Союз, – почему-то прибавил он любимую присказку своего отца.

– Да ты, я вижу, юморист. Значит, на будущий год я буду преподавать у тебя «Основы безопасности жизнедеятельности». И в этом предмете – курс «Основы военной службы». Преподается он только в десятых-одиннадцатых классах.

– Да мне по фигу! Меня эта школа достала уже. Я, наверное, не пойду в десятый... Вон, к отцу устраюсь или в армию пойду.

– Ну, что ж, армия дело хорошее. Я и сам из армии только уволился.

– Что же вы уволились, раз дело такое хорошее? – Витька презрительно сплюнул под ноги, но военрук не ответил – они уже подходили к школе. В это время прозвенел звонок, и улыбчивый спортсмен-военрук, махнув на прощание рукой, скрылся за дверью школы. Витька остался уныло стоять на крыльце. Настроение, почему-то, было испорчено. Он и сам никак не мог понять – почему.

– А, ты здесь! – удовлетворенно произнес Мякиш, выходя на крыльцо. – Ты чего убежал-то? Я б тебе подсказал про Шарикова. Кстати, знаешь, прикольная книга. Я ее еще летом прочитал на даче.

– Слушай, Мякиш, чего ты ко мне со своим Шариковым пристал? Чихать я на него хотел! Я знаешь, с кем сейчас познакомился? С военруком новым. Бывший военный. Здоровенный такой парень. Его, понимаешь, уволили из армии по здоровью. Он был тяжело ранен в Чечне. Попал в плен, бежал. Его поймали, били, посадили в яму... – Витька сел на своего любимого конька – сочинительство на ходу. Благо, в лице добродушного увальня Мякишева, все всегда принимающего за чистую монету, он находил вполне благодарного слушателя. – Но он, перебив охрану голыми руками, все-таки ушел в горы и прятался там полгода. Затем его наши нашли. Понял?

– Ну, и откуда ты все это знаешь?

– Да сам он и рассказал!

– Врешь! Будет он рассказывать всякому встречному-поперечному про свое прошлое!

– А-а, значит, не веришь?! Ладно, пошли к учительской, сам увидишь!

– Разрешите представиться: капитан запаса Приходько Алексей Алексеевич, направлен окружным управлением образования в вашу школу. Я к вам сразу с поезда, еще не успел переодеться, так что, уж простите мой походный вид!

Я, просто, сперва хотел познакомиться со школой и учителями. Перед тем, как к работе приступить.

– Рекогносцировка на местности? – проявил эрудицию в военном деле директор Василий Иванович. Ему, бывшему ответственному партработнику, без пяти минут пенсионеру, сразу понравился этот молодой парень с открытым лицом, вот так, по-свойски, ничуть не стесняясь своего потрепанного армейского рюкзака, пришедший познакомиться с будущим местом своего пребывания. – Так сказать, разведка боем?

– Ну, что вы, какая разведка? – Капитан улыбнулся, оценив директорский юмор. – Мне действительно было интересно, да и по дороге в общежитие все равно. Я, ведь, сам из Рязани. Там и училище военное окончил. Служил на Урале. Потом комиссовали по здоровью и направили через военный комиссариат в систему образования. Так я и попал к вам. А тут еще по дороге парнишку из вашей школы встретил. Вместе с ним и пришли.

– Это какого такого парнишку? Во время уроков? – Василий Иванович испытующе посмотрел на будущего военрука, продолжая вертеть в руках его документы. Ему было интересно, как поведет себя его будущий подчиненный в такой ситуации, в которую попал по неопытности.

– А я разве сказал, что он из вашей школы? Да нет, пожалуй, я оговорился. Он мне только дорогу показывал... – Капитан был явно смущен, но смотрел директору прямо в

глаза.

«Молодец! Наш человек! – одобрительно подумал директор. – Я в нем не ошибся». А вслух произнес:

– Ну, да ладно. Бог с ним, с парнишкой. Главное, мы познакомились! Что касается остального учительского коллектива, то, к сожалению, сейчас все на уроках. А через сорок минут, если вы захотите подождать, я вас с ними познакомлю.

– Спасибо! Мне тоже было приятно с вами познакомиться и пообщаться, но ждать не буду, да и не вполне я одет для того, чтобы предстать перед женским коллективом. У вас, ведь, коллектив в основном женский?

– Так точно, товарищ капитан! – Василий Иванович явно был в хорошем расположении духа, и потому был настроен на шуточный тон. К тому же, ему также было по нраву, что его – действительно женский – коллектив, за исключением трудовика преклонных годов, завхоза Степаныча – приятеля директора по прежней работе, и физрука, злоупотребляющего допингом, продающимся в соседней палатке, будет разбавлен еще одним ярким представителем сильной половины человечества.

– Да что мы можем увидеть? – спросил Мякиш, в котором иногда просыпался скептик, следуя за Стрелой. – Они, ведь, наверняка в кабинете директора, да и урок сейчас начнется.

– А-а-а, испугался! – Витька злорадно прищурился. В это время загремел звонок, и Стрела, довольный, что его вранье

прошло без опровержения, весело хлопнул Мякиша по спине. – Ладно, пошли на физику!

И друзья помчались во весь дух на урок по предмету, который внушал отвращение им обоим.

Физичка – молодая, вечно хмурая, со впалыми щеками – была, как всегда, собрана, аккуратна в одежде и словах. Глядя на нее, невольно хотелось забыть про веселье и радость. Наверное, поэтому все уроки физики проходили в тягостной, почти печальной атмосфере. Знания, которые искренне пыталась вложить Галина Алексеевна в головы своих учеников, тоже были с оттенком глубокой скорби и вселенской печали. Как-то Стрела, сидя на физике, даже попытался осознать для себя: почему только физика вызывает у него (и не только у него!) такие ощущения, граничащие с отторжением. И пришел тогда к выводу, что именно сама физичка – как человек – способствует такому восприятию ее предмета. Он еще подумал тогда, что, возможно, будь на ее месте кто-нибудь другой, может быть, и физика воспринималась бы иначе.

Друзья все же опоздали. Осторожно постучав, они, не дожидаясь ответа, вошли и, увидев лишь сдержанный кивок физички, никак ею не комментируемый, быстро пробрались на место. Несмотря на то, что физичка никогда не повышала голос, никогда не реагировала на шум в классе, никогда не смеялась шуткам Бублика и не вступала в дискуссии с учениками, во время ее уроков царил почти загробная тишина.

Предмет на этих уроках олицетворял для одних мучительное физическое чувство ожидания конца пытки, когда сорок пять минут превращались в сорок пять часов; тогда как для других Физика – с большой буквы «Ф» – была чем-то иррациональным, хотя именно эта наука и отметала всю мистику в зародыше.

В классе было совсем немного учеников, на которых немногословная и не улыбочивая физичка обратила свою благосклонность. Поэтому, отвечая урок, эти ребята ловили себя на мысли, что вовсе не заслуженная пятерка греет их честолюбие, а именно полуулыбка – как улыбка знаменитой Джоконды – странной физички Галины Алексеевны, обращенная именно к ним. Она завораживала их неокрепшие души и заставляла еще более рьяно грызть гранит этой науки.

Галина Алексеевна, устало прикрыв глаза и дожидаясь, пока угомонятся опоздавшие, произнесла лишенным эмоций голосом:

– Сегодня для начала я бы хотела сказать пару слов о явлениях, происходящих в нашей жизни, и с точки зрения физики – необъяснимых.

Народ насторожился. Такого еще не было! Будничным голосом каменная физичка произносила потрясающе крамольные для ее предмета вещи. Тишина из полумертвой стала окончательно мертвой! Между тем, она продолжила:

– Я не случайно решила перед тем, как озвучить одну из тем, входящих в экзаменационные билеты, напомнить вам,

что не всегда законы физики могут ответить на тот или иной вопрос, связанный с этими явлениями. Я говорю о таких явлениях, как левитация, телекинез или телепортация, например. Вы, конечно, слышали об этом. Так вот, все эти, действительно достоверные, факты современная физика не объясняет никоим образом. Поэтому и я сама на такие вопросы отвечать не буду, хотя у меня есть своя точка зрения на это... Тоже, впрочем, расходящаяся с теорией, которая и будет обсуждаться на сегодняшнем уроке. Записываем тему: Основные положения молекулярно-кинетической теории строения вещества.

Глава 2

Алексей вышел из школы со смешанным чувством. С одной стороны, ему понравилась и сама школа и атмосфера в ней – это показалось ему уже когда-то виденным и прочувствованным, как будто он уже работал в такой же школе с такими же пацанами и девчонками, и даже с таким же пожилым хитрованом-директором. Капитан сразу понял, что Василий Иванович раскусил его насчет прогулявшего... как его... Стрельникова, что ли? Но директор не подал виду, и даже, как показалось Алексею, одобрил, что тот не продал прогульщика. Но с другой стороны, вся теперешняя штатская жизнь как-то не совсем вписывалась в его понимание собственного «я».

Всю свою сознательную жизнь Леша Приходько только и делал, что тренировался. Все его существование, начиная с пятого класса, когда он случайно пробежал на лыжах вокруг школы, выполнив норматив первого юношеского разряда, было подчинено только одному девизу – быстрее, выше, сильнее! Его и пытались подготовить к спортивной карьере – сначала школьный физрук, доведя ученика девятого класса Приходько до первого взрослого разряда по лыжам и бегу на короткие дистанции, затем, после окончания школы, его институтский наставник.

В институт физкультуры, что в подмосковной Малахов-

ке, Алексей попал, что называется, не глядя, став призером очередных городских соревнований по легкой атлетике и выполнив норматив кандидата в мастера спорта. Буквально на следующий день ему, в спортивном комитете города, вручили приглашение на собеседование в этот известный спортивный ВУЗ.

«А что, – размышлял Леха, – великим спортсменом в моем возрасте уже не стать, да и желания особого никогда не чувствовал, буду детишек учить. Чем не работа? Да и высшее образование без особых усилий – плохо разве? К тому же моя мама, – учительница начальных классов, в школе всю жизнь проработавшая, вполне все это одобрила. А сносные деньги, чтоб для нормального проживания хватало, можно заработать, ведя, скажем, спортивные секции».

Но недолго он предавался подобным благим намерениям. Случай – вот начало всех начал. Его Величество Случай круто изменил всю дальнейшую судьбу студента первого курса Приходько. А все «шерше ля фам»!

«Ля фам» в образе семнадцатилетней Оксаны из Воронежа, проживающей в женском общежитии их института, смешала в его судьбе все карты.

Все произошло на очередной дискотеке, куда они пошли всем мужским общежитским коллективом, прихватив и Лешку – самого сильного на курсе, «на всякий случай», как тому было сказано. Сам Лешка не особенно любил танцы, вернее то, что их, порой, сопровождало – выпивку, дым

столбом, кое-какой другой допинг, ну, и драки, как неотъемлемый атрибут любой дискотеки! Лешка не любил всего этого, хотя никто и никогда не мог бы назвать его трусом. И дело даже было не в том, что ему, как спортсмену с двенадцатилетнего возраста, нельзя было даже и думать о таком времяпрепровождении. И, хотя он, как нормальный рязанский пацан, уже успел попробовать все эти «прелести взрослой жизни», ему это не понравилось! И все тут!

Впрочем, ничто и не предвещало никаких особых проблем, пока не появилась красавица Оксана. Лешке, как и всем ребятам на их курсе, она тоже очень нравилась. Но именно он прочувствовал благосклонность Оксаны, когда она сама вдруг подошла к нему, сидящему с другими парнями за столиком, и пригласила на танец.

В тот день они не расставались, буквально не отходили друг от друга. Все получилось как бы само собой, когда на крутом вираже танцевального па Оксана случайно задела какого-то амбала, как потом выяснилось – местного авторитета, да к тому же по совместительству – сына директора одного из предприятий города. Тот не постеснялся высказаться об Оксане достаточно громко и достаточно грубо, – вполне, чтобы задеть ее кавалера.

Дальше Леша вспоминать не любил. Все происходило, как в скверно отснятом кинофильме. Какие-то обрывки воспоминаний, в которых можно было зафиксировать Лешу, практически без замаха бьющего в челюсть амбалу, затем самого

амбала, сидящего на полу с удивленным лицом и трясущего для прояснения сознания головой, потом – опять Лешку, выбегающего с дискотеки. После этого обрывки стали более длинными – с зачитыванием заявления на него в местном отделении милиции, разговор с ректором, советуящим студенту Приходько выбрать меньшее из двух зол: забрать документы из института вместо того, чтобы предстать перед судом за совершение правонарушения с тяжкими для здоровья пострадавшего последствиями. И, наконец, его самого, уже бывшего студента, едущего в свою Рязань. Восвояси.

Дальнейшая жизнь Алексея Приходько развивалась не стремительно, а очень стремительно. В РВВДКУ имени генерала армии Маргелова В. Ф., а попросту – училище ВДВ, Алексей поступил без труда, несмотря на не слишком обширные знания, полученные в школе. Перед ним тогда встала задача: либо попытаться поступить в институт с военной кафедрой, либо идти в армию рядовым, либо стать офицером, окончив знаменитое десантное училище в своем родном городе. Поразмыслив трезво, он решил, что свои спортивные навыки можно применить, разве что, в военном училище, а, будучи военным, получить еще и квалификацию менеджера! Спортивные заслуги действительно были оценены приемной комиссией по достоинству, а его неплохие мозги и подвешенный язык сделали выбор комиссии в пользу абитуриента Приходько оправданным.

Пять лет промчались незаметно. Сказалась спортивная

закалка, многолетний режим и личное упорство Алексея. По окончании училища он был распределен в одну из воинских частей на Южном Урале, где спокойно прослужил до тридцати лет в должности командира роты воздушно-десантного полка, нося четыре звезды на погонах. И все бы ничего, если бы не несчастный случай, прервавший блестящую карьеру офицера-десантника. Алексей потом вспоминал о случившемся, как будто со стороны.

Проходили учебные прыжки, которые он, командир, вообще-то не должен был совершать лично. Но слишком силен был азарт командира, стремящегося к незапланированным прыжкам; и не столько в качестве примера для подражания, сколько для собственного удовольствия – удовольствия человека, совершившего к тридцати годам более сотни прыжков.

Он отчетливо, до мелочей помнил каждый миг своего полета, летя головой вниз со спортивным куполом за спиной и «медузой» – маленьким вытяжным парашютиком, обмотанным вокруг правой ноги. Бросал он, вроде бы, в сторону, но чертова «медуза» соорудила петельку-удавку на ноге! Запаску дергать было бесполезно – все равно запутается.

«А ведь завтра в отпуск, – некстати подумалось ему тогда, – да и без учета отпуска еще много чего неплохо было бы сделать...» А дальше такая злость взяла Алексея, что кроме мата в голове ничего не оставалось. Нет, еще остался хронометр-секундомер, который стучал молотом в висках. Алек-

сей просто физически ощущал, как тает спасительная высота, а с ней и отпущенные ему в этой жизни секунды.

Он уже пару раз пытался дотянуться руками до петли, да только куда там! Его крутило и швыряло, как тряпку на хорошем ветру. Боковым зрением он увидел, что горизонт стал стремительно набегать, а значит, осталось метров двести и – всего несколько секунд! Еще попытка, еще... наконец, невероятным усилием он левой ногой срывает петлю вместе с кроссовкой с правой ноги. И тут же двумя руками рвет два кольца – сначала отцепку, потом запасный. Затем... получает, как будто ломом по спине и – отключается...

Очнулся он уже на земле, упершись в нее носом. Боже, как она тогда пахла! Он приподнялся, чтобы увидели, что живой, но от дикой боли в пояснице опять упал. На левой ноге тоже кроссовки нет – сорвало в момент раскрытия запасного. Кто бывал на местах аварий с пешеходами, видел, как пострадавший лежит метрах в тридцати-сорока, а обувь осталась на месте столкновения. Вот, так и у него.

Подлетела санитарка, набежал народ. Алексей попросил отвезти его домой, но раненого в срочном порядке отправили в госпиталь. Там по-быстрому определили компрессионный перелом позвоночника, перелом трех ребер и кровоизлияние внутренних органов.

Месяц Алексей провалялся в госпитале. Пока ему кололи наркотики, и он плохо соображал, приехали какие-то спортсмены и все допытывались: зачем он резал подвесную систе-

му парашюта. Тогда он не придавал никакого значения этим словам, и только через пару месяцев пришла секретная телеграмма о парашютном происшествии где-то в Забайкалье. В ней было почти точное описание его прыжка, только в финале: «...после открытия запасного парашюта подвесная система разорвалась, и парашютист упал с высоты пятисот метров». Далее указывались завод, тип парашюта, дата изготовления и приказ о том, чтобы все купола этой серии срочно отправить на доработку. Проверили – точно, одного дня изделия! Расследование показало, что практикантка на заводе не так лямки пристрочила, и запасный парашют в момент раскрытия не затягивал, а рвал подвесную систему. Вот об этом-то и толковали Алексею спортсмены.

Далее – списание из армии в тридцать лет, но, слава Богу, занятия спортом и железное здоровье позволили Алексею быстро восстановиться. Но в армию он уже не вернулся...

Алексей вздохнул, вытащил из кармана бумажку с адресом общежития и решительно отправился туда, откуда ему предстояло каждый день осваивать новые, но уже – педагогические высоты. И, покорив очередную высоту, возвращаться на свой аэродром в виде общежитской койки.

Глава 3

Впервые Витька ощутил некое смутное чувство, никак пока им не квалифицируемое. Чувство собственной неудовлетворенности, что ли?.. Пожалуй, нет. Скорее, это было нечто среднее между виной за собственную лень и обидой на окружающий мир за то, что ему не объяснили, как надо жить, к чему стремиться, чего желать.

Вот, скажем, парень этот. И спортсмен, судя по его плечам, и военный, хоть и бывший, а теперь еще и военрук! Хотя последнее – достоинство сомнительное, но все-таки... Витька помнил, как в туалете старшие пацаны рассказывали, как было прикольно на уроках прежнего военрука. Тот приносил настоящее оружие, в том числе и холодное. Рассказывал такие истории о своей прежней милицейской службе, что закачаешься. Приводил пацанов на показательные выступления по боевому самбо, организованные ОМОНовским и СОБРОВским руководством. А он, Витька, даже в десятый ряд ли пойдет. И главное, ему было как-то все равно – учиться дальше или нет. Вот и отец его постоянно твердит, что надо получить хотя бы среднее образование.

Сам он, всю жизнь отрубив на заводе токарем, после его развала устроился в мастерские при метрострое, хотя мечтал о работе геолога еще с детства. Даже уходил после школы с геологической партией на целый год, но, не имея соответ-

ствующего образования, был вынужден уйти на завод. Отслужив срочную, вернулся туда же, став очень неплохим специалистом в своем деле. Заводская многотиражка соврать не даст. У отца до сих пор где-то хранятся многочисленные вырезки, в которых упоминаются его трудовые подвиги. Но у отца Витьки всегда была мечта, пусть и не сбывшаяся, но была!

Нет, тут что-то не так! Витька никак не мог понять: почему его так стало ломать на эту тему. Последние два урока ему впервые не было скучно! Нет, он по-прежнему был равнодушен к потоку информации, исходящей от преподавателей. Но он думал! В его голову впервые за много школьных лет пришли мысли о своем будущем, о своем месте в этой жизни. Неужели на него так повлияла эта случайная встреча на улице. И он понял! Понял, что ему жутко, до боли, хочется быть похожим на этого красавца крепыща с белозубой улыбкой на мужественном лице. Он ему позавидовал! Да, он хочет быть таким же – здоровым, крепким, сильным, белозубым, наконец. Чтобы нравиться женщинам, чтобы вот так уверенно разговаривать, ходить такой же по-военному четкой походкой. Вот так, запросто, не стесняясь небритости и старого рюкзака, зайти в любой кабинет с чувством собственного достоинства и самодостаточности. Черт побери, вот пробило-то на раздумья! Витька потрянул головой и с удивлением понял, что целый урок его любимый «Наутилус» так и остался в плеере невостробованным.

Комната № 14 в бывшей заводской общаге, где предложили угол капитану запаса Приходько, очень сильно напомнила такую же в офицерском общежитии, где ему довелось прожить почти целых семь лет. Та же убогость, те же обшарпанные стены, та же общая кухня с пеленками на веревках, тот же один на всех туалет с вечно неисправным сливным бачком, а главное – чувство вечного одиночества. Исключение составляло лишь не слишком маленькое зеркало, обрамленное старой потрескавшейся рамой, висевшее на стене напротив кровати. Комната, скорее всего, раньше принадлежала женщине. В его офицерском общежитии зеркало висело, разве что, в общественной ванной комнате. Почему-то именно эта деталь интерьера настроила Леху на мажорный лад.

Лешка вовсе не был женоненавистником. Совсем наоборот – ему очень нравились женщины. Нравилось, что без особого труда ему, офицеру-десантнику, удавалось затащить в постель любую понравившуюся девицу. Но серьезные отношения заводить было и некогда, ведь он усиленно занимался спортом в школе и учебой в сугубо мужском заведении, да и негде. В части, где он служил, только увольнительные да законные отпуска могли бы поспособствовать серьезным амурным знакомствам, но в маленьком южно-уральском городке, где находился его полк, он так и не нашел никого по душе. Да и особого желания заводить семью у него все-таки не было. Теперь же, в этой своей новой жизни, да еще в огромном городе, где выбор спутницы расширялся до

невообразимых пределов, отставной капитан вполне мог подумать и о семье. А что? Живут же семейные в общежитии. А там видно будет!

Алексей отправился прогуляться, чтобы привести мысли в порядок. Он решил пройтись к небольшому мебельному магазину, находящемуся неподалеку, чтобы прикупить что-нибудь для своей убогой комнатухи. Он заметил этот магазин с большой зеркальной витриной, когда шел к себе в общежитие. Подойдя к нему, Леша на миг остановился, увидев свое отражение в витрине. На него смотрел помудревший отставник, решивший приспособиться к новым реалиям гражданской жизни. Он сам себе усмехнулся и тут увидел в отражении витрины давешнего своего знакомца – Стрельникова – с каким-то полноватым рыжим парнишкой. Они стояли поодаль, с интересом рассматривая будущего военрука. При этом Стрельников, не стесняясь и указывая на него пальцем, что-то говорил на ухо рыжему.

И вдруг раздался оглушительный треск. Стекло, шумно лопнув, стало медленно, словно в замедленной съемке, оседать на тротуар, при этом накрывая Алексея с головы до ног дождем осколков. Он получил внушительный удар по голове, из глаз брызнули разноцветные искры, и он упал, потеряв сознание.

– Стрела! Атас! – заорал Мякиш, увидев, как на военрука, которого они случайно увидели, возвращаясь после школы, упало лопнувшее вдруг зеркало большой витрины. – Смот-

ри!

Витька уже и сам, услышав оглушительный треск бьющегося стекла, во все глаза глядел на непостижимую по своей иррациональности картину. На их глазах здоровенный молодой мужчина, заваленный битым стеклом, стал медленно растворяться в воздухе. По мере его исчезновения осколки стекол, как живые, так же медленно оседали на грязный тротуар. Через несколько секунд на том месте, где только что лежал бывший военный, кроме кучи битого стекла ничего не было! Ребята не верили собственным глазам. Они беспомощно переглянулись. Как назло вокруг, кроме двух выбежавших из мебельного продавцов, в этот момент никого не было. Зато теперь, как по мановению волшебной палочки, появились прохожие, и улица наполнилась привычным гулом оживленного в эти часы города.

– Вы видели?! – Стрела обернулся к прохожим, осторожно перешагивающим груды стекла, разбросанного по всему асфальту.

Но они только пожимали плечами – эка невидаль, витрина разбилась! Мякиш все еще никак не мог придти в себя. Он стоял, тупо уставившись себе под ноги. Лицо его посерело, черты лица заострились, губы дрожали. Витька понял: то, что здесь сейчас, на их с Мякишем глазах, произошло, никто, кроме них, не видел! Только они с Мякишем были свидетелем чуда! Но этому никто не поверит!

Они отошли в сторону и сели на лавочку. Первым загово-

рил Мякиш:

– Витек, что это было? Если бы я сам своими глазами этого всего не увидел, никогда бы не поверил. И нам тоже никто не поверит! – Мякиш хоть и отошел немного от оцепенения, но все еще находился под сильнейшим впечатлением.

– Ты прав, Мякиш! Но я знаю, кому мы можем это рассказать! – Витьку вдруг осенило. – Физичке, вот кому! Помнишь, сегодня на уроке она что-то такое говорила про необъяснимые вещи. Она еще тогда сказала, что такие явления нельзя объяснить физическими законами, но у нее есть мнение по этому поводу, помнишь?

Алексей плыл по безбрежному океану. Вокруг было солнце, небо поражало своей голубизной. Разноцветные брызги от набегавших волн слепили глаза. Ему было хорошо, очень хорошо! Он не чувствовал никакой усталости, тело его, повинаясь малейшим движениям сильных мышц, продвигалось вперед, подобно дельфинам, легко и непринужденно. И в этом своем свободном плавании по бескрайней бирюзовой пустыне он был свободен и счастлив, как никогда... Постепенно горизонт стал сужаться. Небо изменилось, превращаясь в прямоугольник какого-то большого проема, задернутого светлыми пластиковыми жалюзи, а разноцветные водные брызги сфокусировались в прозрачные осколки стекла.

Алексей пошевелился и охнул, почувствовав сильную боль в затылке. Он приподнялся и огляделся. Он лежал на

тротуаре, весь заваленный битым стеклом. Прямо перед ним была разбитая, с остатками зеркального стекла, витрина магазина. И он все вспомнил! Черт побери, как его так угораздило? Он ощупал лицо и только сейчас почувствовал саднящую боль на лбу и на щеках. Руки тоже были в мелких порезах и кровоподтеках.

«Хорошо еще отделался, – подумалось ему. – А, ведь, мог и глаз лишиться!»

– Гражданин, вы как? – спросил подбежавший немолодой продавец мебельного магазина дрожащим от волнения голосом. – Понимаете, наш электрик, будь он трижды неладен, случайно задел витрину, когда чинил подсветку. Говорит, задел только чуть-чуть, а стекло все и рассыпалось. Врет, наверное, гаденыш! Ведь оно не простое – закаленное и это, как его... антивандальное. Небыющееся, то есть. – Продавец всматривался в лицо Алексея. – Эх вас порезало-то! Давайте пройдем к нам. Мы вам ранки-то обработаем... Может, скорую вызвать?

– Да, может, и не врет ваш электрик, – машинально ответил Алексей продавцу. – У стекла, даже самого закаленного, есть такая особая точка напряжения, ткнув в которую можно действительно разбить на мелкие части даже самое прочное стекло. А насчет скорой – пожалуй, не надо. Ерунда это, царапины!

Но с продавцом он все-таки пошел. Ведь надо же было привести себя в порядок.

– Как вы сказали? Медленно исчез? – Галина Алексеевна задумчиво пожевала кончик шариковой ручки. – А вы не придумываете? – Она испытующе посмотрела на не самых прилежных своих учеников.

Учительница вообще делила всех своих учеников на заинтересованных – для которых она, собственно, и работала, и на равнодушных – которым она ДОЛЖНА была прочесть курс. Последние ее интересовали мало. А Стрельников и Мякишев были одними из самых ярких их представителей.

Впрочем, для Галины Алексеевны практически все люди делились на эти две категории. Даже подруг своих она выбирала по тому же принципу. К категории «равнодушных» она причисляла не только тех, кто не интересовался ее любимой наукой. К ним она относила всех, кто не разделял ее собственных пристрастий, устремлений и интересов. Они ей были просто, что называется, по барабану!

Но надо было отдать должное физичке – несмотря на относительную свою молодость, она неплохо разбилась в людях. Возможно, в этом ей помогала ее собственная натура и отношение к жизни. По своей ментальности и темпераменту она была, скорее, созерцательной натурой, склонной к флегматизму и даже меланхолии. В отличие от горячих холериков, она всегда все анализировала и оценивала ситуацию, прежде чем высказаться. Она никогда не делала поспешных выводов. Вот и теперь она чувствовала, что ее ученики не врут.

– Хорошо, я попробую дать свою оценку этому происшествию. Сильно сомневаюсь, правда, что вы будете в состоянии что-нибудь понять. Но, тем не менее, выскажу свое видение этой проблемы. Дело в том, что наш мир не одинок. Строго говоря, есть теория, по которой, кроме нашей реальности, есть бесконечное множество таких же миров, как наш, существующих параллельно. И каждый из этих миров развивается по своим законам. Мы их видеть не можем, так как они как бы свернуты в пространстве. Но иногда, при стечении определенных обстоятельств, открываются некие проходы в эти другие реальности, – их еще некоторые ученые называют «Кротовыми норами». Через эти проходы люди из нашего мира либо попадают туда, и тогда для всех остальных происходит явление *исчезновения* этих людей, либо в наш мир из других проникают те сущности, не похожие на наши. И тогда мы наблюдаем необычные проявления или сталкиваемся с необъяснимыми вещами. Теория такой многомерной вселенной, или мультивселенной, – как еще ее называют, позволяет объяснить многие явления, которые не укладываются в рамки современной науки. Доказать эту теорию ученые пока не в состоянии, но и опровергнуть ее также никто не берется. Существование параллельных миров, населенных разумными существами, дает ключ к разгадке паранормальных явлений, таких, как появления призраков, к примеру, или домовых с барабашками. Или – загадочного исчезновения людей! Теперь понятно?

Наступила долгая пауза. Галина Алексеевна уже, было, засомневалась в правильности своего поступка в отношении не обремененных элементарными знаниями учеников, когда, наконец, самый шустрый из пары «равнодушных» – Стрельников – спросил:

– Что же теперь делать, Галина Алексеевна? Ведь человек пропал! Между прочим, ваш будущий коллега! Посоветуйте, неужели нет никакого выхода?

Галина Алексеевна помолчала. Она с удивлением для себя посмотрела на представителя равнодушных как-то по-новому. Она видела его тревогу и интерес в глазах. Ей даже стало немного жаль его. Как, впрочем, было жалко так и не состоявшегося будущего коллегу, с которым она даже не была знакома. Она-то точно знала, что еще не было случая возврата ОТТУДА. Иначе хотя бы одна из многих теорий о параллельных мирах была бы подтверждена документально!

– Мальчики, боюсь, что никто из людей не в состоянии помочь вернуть исчезнувшего при таких обстоятельствах человека. Просто, такого еще не было! – Она грустно посмотрела на ребят и добавила: – Мне очень жаль! Простите, если разочаровала. Но мне надо домой. Я и так задержалась в школе, да и вам уже пора. Родные, небось, уже вас потеряли. Идите домой и – до свидания. Да, и мой вам совет – выбросьте это из головы! И лучше всего – больше никому об этом не рассказывайте. Толку от этого не будет, а ненужных разговоров не оберешься!

Глава 4

Выйдя из магазина, в котором он так ничего и не купил, Алексей сразу же почувствовал некие изменения, произошедшие с окружающим миром. Во-первых, ему показалось, что на другой стороне улицы была палатка Роспечати, где он хотел купить какую-нибудь московскую газету. Сейчас ее не было! Или палатка была не здесь?

Потом, на тротуаре рядом с мебельным была скамейка. Он это точно помнил. На ней еще сидел старичок, у которого Алексей спрашивал улицу, на которой находилось его общежитие. Сейчас скамейки тоже не было! Более того, не было даже следов ее пребывания! Никаких! Алексей тряхнул головой – та все еще болела. Что за черт! Такого еще с ним не случилось. У него, как у десантника, была отличная зрительная память. В училище на занятиях не раз говорилось об этом полезном для военного качестве. И его натренированная память услужливо подсказывала, что изменилось, оказывается, достаточно многое. Некие неуловимые, на первый взгляд, вещи, словно нарочно, стали лезть на глаза. То дерево напротив серого дома было намного выше, тротуар – грязнее, даже – Алексей вздрогнул – он это отчетливо помнил: когда лопнуло стекло, никаких жалюзи не было! У него пересохло во рту, и к горлу подступила противная тошнота. Что происходит?

Он, потоптавшись на месте, снова зашел в магазин. По недовольному лицу продавца можно было прочесть явное нежелание еще раз общаться с пострадавшим.

– Вы не волнуйтесь, у меня к вашему магазину претензий нет. Я только хотел вас спросить... Скажите, а у вас на окне всегда были эти жалюзи? – Алексей смотрел на продавца умоляюще и с все убывающей надеждой по мере продолжающейся паузы.

– Да, всегда, – после некоторого молчания произнес, в замешательстве от такого неожиданного вопроса, продавец. Теперь его лицо выражало сочувствие, и даже некоторый страх. Он явно подумал, что без последствий все-таки не обошлось.

Леша прекрасно понял его взгляд и поспешил его успокоить:

– С головой у меня в порядке. Скажите, может быть, жалюзи перед тем, как стекло разбилось, были собраны или отодвинуты?

– Нет! – Продавец отрицательно покачал головой. – Именно потому наш электрик и задел стекло стремянкой, что оно было закрыто мягкими жалюзи. Они – часть интерьера. К тому же, свет пагубно действует на мебель, и мы никогда их не открываем.

– Спасибо! – промолвил потрясенный Алексей, понуро выходя из магазина. И тотчас его память нарисовала картинку перед тем, как сознание его отключилось. Стекло, пере-

ламываясь в нескольких местах, на мгновение открыло ему интерьер магазина, ярко освещенный лампами дневного света. Сейчас же на потолке были другие плафоны! В этом Леха был готов поклясться.

– Что будем делать, Витек? – в который уже раз вопрошал Мякиш.

Они вышли из школы, растерянные и совершенно раздавленные такой отповедью физички – единственного человека, который хоть как-то должен быть ответить на этот самый вопрос.

– Откуда я знаю! – зло ответил Витька. – Если даже Галина сказала, что его уже не вернуть! Слушай, а давай еще раз туда сходим. А вдруг он уже появился?

Мякиш с сомнением покачал головой, но послушно поплелся за более активным другом. На улице уже зажглись фонари. Сильно хотелось есть, но Стрелу тянуло в это место, словно магнитом. Он сам себе удивлялся. Ведь ему все популярно, хотя и не слишком доходчиво, объяснила хмурая физичка. Это исчезновение, как выяснилось, пусть и чудо, но явление далеко не единственное. И искать, а тем более – надеяться на появление военрука было глупо. Но он упрямо шел на место его исчезновения, да еще и Мякиша тянул за собой.

За время их отсутствия работники магазина практически уже все убрали, сгребая все в кучу. Откуда-то подвезли мусорный контейнер, в который двое рабочих, работая в бре-

зентовых рукавицах, осторожно перекладывали стеклянный мусор. При этом они разбивали молотком большие куски, чтобы вместилось все. Витька зачем-то подошел к витрине, которая была завешена наспех прикрепленным коричневым полотном. Под витриной не осталось никаких следов – ничего, что хоть как-то напомнило бы о человеке, бесследно исчезнувшем из этой жизни. И это было особенно грустным.

Мальчик повернулся, чтобы уйти, но вдруг его нога наступила на что-то твердое. Он пригляделся. Свет от фонаря слабо осветил предмет, на который он наступил. Ключ! Витька поднял ключ, на ободке которого явственно виднелась цифра «14».

– Смотри, Мякиш, что я нашел! Как думаешь, это ЕГО ключ?

Сашка покрутил выдавший виды предмет в руках.

– Вполне может быть. Цифра – явно либо от комнаты номер четырнадцать, либо от дома с таким номером.

– Постой, а где жил военрук? Кто-то же должен знать, где он остановился!

– Директор! – почти хором ответили на этот свой вопрос друзья. – Завтра же зайдем к Василию Ивановичу и выясним!

Удовлетворенные находкой и принятым решением, они отправились по домам.

У него с новой силой разболелась голова. И уже не столько от удара, сколько от необъяснимого изменения окружаю-

щего мира.

Надо вернуться в общагу, принять душ, поесть и выспаться. А там будем жить дальше. Но Алексей понимал: все, что он ощутил после того, как очнулся, будет неотвратимо занимать его мысли, и избавиться от этого наваждения ему не удастся, пока он сам не найдет объяснение всему этому.

Он подходил к общаге со страхом увидеть ее не такой, какой оставил здание пару часов назад. Но с облегчением убедился в обратном-ничего не изменилось! Да и что могло бы измениться в безликой старой постройке, как две капли воды похожей на тысячи таких же, и не только в Москве. Пройдя мимо старушки, у которой сейчас вместо вязанья была книжка, краем глаза он успел заметить, что картинки на стене за ее спиной теперь уже отсутствовали. Он напрягся. Знакомая тошнота, сопровождающая его всякий раз, когда он замечал несоответствия с прошлой реальностью, опять стала ощутимой. В ушах зашумело, и он даже не ответил старушке, которая спросила его о чем-то.

С бьющимся сердцем он подошел к своей комнате и полез в карман джинсов за ключом. О, ужас! Ключа не было! Он его потерял. Видимо, выронил, когда упал, оглушенный разбившейся витриной. Что ж за день-то такой!

Он спустился к вахтерше и вместе с заветным запасным ключом получил вполне заслуженную порцию упреков в свой адрес. Открыл дверь, настороженно огляделся и, убедившись, что все на месте, облегченно вздохнул и рухнул на

койку. Хотя бы этот проклятый день поскорее закончился! А теперь спать, спать... Алексей, забыв про душ и ужин, уснул мгновенно, провалившись в глубокий тревожный сон.

Ему, в который уже раз, приснился тот, последний для него, прыжок. Но на этот раз под его ногами было не стремительно приближающееся поле, а безбрежная гладь океанской воды. И было уже не так страшно, и появлялась надежда, но при всем этом в первый раз он видел себя со стороны. Будто бы падал в океан вовсе не он, а кто-то другой, – такой же, но вовсе не он! И это было очень странное ощущение. Даже во сне!

Василий Иванович сидел за столом и рассматривал новое штатное расписание на будущий год. Там он с удовлетворением прочитал новую фамилию против слова «военрук» – Приходько А. А. Он вздохнул и подумал, что вот такому молодому парню, пусть и без специального педагогического образования, он бы доверил и свой пост. И, хотя он не был приверженцем старой, как мир, и устоявшейся в его бытность традиции утверждать, что лучшими руководителями во все времена были мужчины, в глубине души директор придерживался того же мнения. Да и на пенсию он теперь уйдет со спокойной душой, зная, что может попробовать подготовить себе достойного преемника на посту директора.

Эх, хорошо бы еще взять себе секретаршу, вместо прежней, ушедшей в декрет в самом начале учебного года... Только, кого он найдет сейчас, да еще и на такую мизерную зар-

плату? Зато за время ее отсутствия он научился, наконец, работать на компьютере, распечатывая необходимые документы. Да, нет худа без добра! Он улыбнулся собственным мыслям и услышал робкий стук в дверь своего кабинета.

– Войдите!

– Можно, Василий Иванович? – На пороге топтались два девятиклассника.

– Проходите, что у вас? – Директор нахмурился и посмотрел на часы. До начала уроков оставалось десять минут. – Только быстро! Вам еще надо подготовиться к началу занятий. Что у вас по расписанию?

– Физкультура, – ответил пухлый Мякишев.

– Тем более – вам еще переодеться. Так какой у вас вопрос?

Тот, что побойчее – Стрельников, кажется – шагнул вперед.

– Василий Иваныч, – начал он, – вчера к вам заходил новый преподаватель по военному делу... Ну, бывший военный. Так вот, он вам не говорил, где он живет?..

От такой наглости директор потерял дар речи. Какие-то девяти-клашки интересуются преподавателем, его местом жительства; да и, к тому же, еще толком и не устроившимся на работу преподавателем! Постой, постой...

– А не ты ли, Стрельников, прогуливая вчера уроки, привел его в школу? – Директор был горд своей проницательностью.

– Василий Иванович, дело не в этом! Поймите, мы не просто так интересуемся! – Стрельников вздохнул и посмотрел на своего приятеля. Тот кивнул. – Дело в том, что этот военрук исчез на наших глазах! Вчера, когда мы возвращались из школы.

– Погодите, я не понял. Как это – исчез? – Директор аж на месте подскочил. – А ну-ка, рассказывайте все по порядку.

Он тут же напрочь позабыл, что хотел отчитать дерзкого мальчишку. И по мере того, что слышал, он все меньше и меньше понимал, о чем идет речь. Когда Стрельников дошел до эпизода с ключом, директор не выдержал. Он вскочил с кресла и стал нервно расхаживать по большому кабинету.

Нет, он решительно ничего не понимал! Он всегда недолюбливал ту повсеместную свободу высказываний, к которой все еще не мог привыкнуть. Да разве в его время вот так могли бы рассуждать о параллельных мирах не только школьники, начитавшиеся фантастики, но и учителя! И кто?! Галина Алексеевна – физичка! А он больше всех ценил ее как преподавателя и человека. Она импонировала ему, директору старой закваски, именно тем, что не поддавалась всеобщей вакханалии так называемой свободы, выраженной, в основном, во внешнем ее проявлении. Она была строга и в одежде, и в высказываниях, и не допускала никаких вольностей с учениками, как все остальные.

– Постойте-постойте! Это действительно сказала Галина Алексеевна?

Его, как показалось друзьям, поразил не столько факт исчезновения военрука, как крамольные слова учителя физики.

Получив подтверждение, директор задумался. Скорее всего, мальчишки не ввали. Да и с какой стати? Тем более, дело касалось человека, который очень понравился ему самому. В это время прозвенел звонок, но никто из присутствующих никак на него не отреагировал.

– А ну-ка, покажи ключ!

Он повертел в руках типичный ключ от типичного старого замка. Действительно, ведь Приходько упоминал об общежитии... Ключ очень подходил к такому варианту. А что, чем черт не шутит?! Может, и вправду есть во всем этом некая чертовщина... В документах, которые ему предоставил тогда Приходько, было направление от окружного управления образования города Москвы в его школу, и в общежитие – тоже. Но он тогда не придал этому никакого значения и, конечно же, номера общаги не запомнил. Мужчина решительно взялся за трубку.

– Управление образования? Это из сто сорок третьей школы беспокоят...

Проснулся Алексей от какого-то тревожного чувства, железным обручем сжавшего сердце. Что за сон ему приснился? Опять падение? Или это был не сон? Он сел на кровати и попытался вспомнить весь прошлый день, час за часом. Вот он, прямым ходом с поезда, направляется в общежитие; в кар-

мане – направление из управления образования, полученное накануне. Вот он знакомится с парнишкой Стрельниковым, вот уже в школе – разговаривает с директором Василием Ивановичем. Затем – общага, потом – прогулка к мебельному магазину и страшный удар по голове. Затем он ничего не помнит. Какой-то провал.

«Ничего не пойму! Что было дальше? – Алексей подошел к зеркалу. На него смотрела небритая, какая-то чужая физиономия, вся в царапинах и ссадинах. Мужчина провел рукой по лбу. – Откуда эта огромная шишка? Обе кисти, кстати, тоже в ссадинах... – Он взгляделся в свое лицо, ставшее, как будто, несколько иным. В глазах тоже появилось что-то неуловимо чужое! Или это проклятое зеркало все искажает? Он вздохнул и отошел от него.

– Ну, что ж, руки, ноги целы, голова на месте... – Он поглядел на часы. Стрелки показывали без пяти минут десять. – Ого! Однако заспался я. Весь режим пошел к чертовой матери! Видно, сильно мне вчера досталось! Да, надо привести себя в порядок и обязательно побриться. Вот и зеркало здесь кстати. Пойду, схожу за водой».

Получив заветный адрес и разрешение пропустить урок физкультуры, друзья со всех ног кинулись на поиски общаги. Более поразительного и увлекательного приключения ни Стрела, ни Мякиш еще не испытывали! Еще бы, сам директор освободил их от урока, который, впрочем, и так уже начался без них. Еще они получили от директора также и стро-

гий наказ держать его в курсе дела. Он даже дал им номер своего мобильного телефона!

Вот и общежитие. Друзья зашли вовнутрь. Старушка – божий одуванчик – мирно спала, уронив голову на недовязанный носок. Они осторожно прошмыгнули мимо нее и поднялись на второй этаж. Вот и заветная дверь с косо прибитыми блеклыми цифрами «14».

Витька осторожно постучал. Никакой реакции. Постучал сильнее и толкнул дверь. Нет, без ключа не обойтись! Ребята переглянулись. С бьющимися сердцами они отомкнули старый замок и шагнули в... пустую комнату. В это утреннее время солнце ярко осветило голые стены, смятую кровать, рюкзак на обшарпанном стуле. Небольшой стол, служивший одновременно и письменным, и обеденным, был девственно чист. Они подошли к платяному шкафу. За скрипучей дверцей болтались три свободные вешалки. На четвертой висел не новый и немного помятый, но вполне чистый серый костюм, одетый на белую в полоску рубашку и узкий, серо-синий галстук. Под костюмом устроились две пары черных ботинок.

– Да, небогато живет бывший военный! Не густо, видать, платят российским офицерам! – горько усмехнулся Стрела.

Мякиш тем временем обходил комнату по периметру, как будто ища улики. Витьку это рассмешило.

– Мякиш, ты, никак, улики вынюхиваешь для передачи господину директору? – Витьку зло взяло. А что они, соб-

ственно, ожидали увидеть – привидение или домового, а может, и барабашку в погонах?

Он посмотрел на часы. Ого, уже без одной минуты десять! Пора было возвращаться. Они и так уже опоздали на второй урок – математику, – тоже не подарок. Он посмотрел на друга, которого чем-то заинтересовало старое зеркало, висящее на стене.

– Ты чего там увидел, Мегре? – спросил Витька и осекся, увидев выражение лица своего друга.

Он один раз уже видел такое же выражение – вчера, когда на их глазах исчез военрук. Вот и сейчас Мякиш стоял у зеркала, неотрывно всматриваясь в него безумными глазами. Витька подошел на негнущихся ногах и обомлел.

В зеркале, как будто задернутом полупрозрачной дымкой, смотрел на них... военрук собственной персоной! Щеки его были в пене, глаза прищурены, в руках – безопасная бритва. Исчезнувший преподаватель собирался бриться!

В это время произошло нечто, еще более потрясающее! Военрук, явно не замечавший пацанов, уставившихся на него в упор, вдруг напрягся. Его глаза стали вылезать из орбит, и изо рта вырвался беззвучный крик! Он тоже увидел их! В это мгновение заорали хором и пацаны. Затем их ослепила яркая вспышка голубого света. Какая-то сила обрушилась вниз потолок, а пол встал на дыбы. Наступила темнота и – провал сознания.

Глава 5

Витька открыл глаза и увидел, как знакомый солнечный зайчик нервно дрожит на белом потолке около скопления серой паутины. Рядом с зайчиком висела закопченная пластиковая люстра на три лампочки. Он перевел глаза с потолка на пол, и его взгляд натолкнулся на стул со свисающей ляжкой старого армейского рюкзака. И он все вспомнил!

– Мякиш! Ты где? – дрожащим голосом проговорил Витька, понимая, что друга рядом с ним нет. На него сразу же навалилась давящая духота страха.

Он сидел на полу, привалившись спиной к кровати воеврука, и с тоской думал о том, что он теперь скажет Сашкиной бабушке, которая души не чаяла в своем единственном внуке, оставшимся у нее после гибели в автокатастрофе его родителей. Витька представил ее заплаканное доброе морщинистое лицо, и ему стало горько, что это он втянул своего друга Мякиша в такую безумную авантюру. Ведь не хотел же Сашка никуда ходить, а он, Витька, как всегда – настоял, уговорил, да что там – попросту сломил волю податливого друга. И что теперь? Где он? Он там, откуда не возвращаются, а Витька – здесь. И во все виноват он – Витька Стрельников!

Но как же, все-таки, получилось, что исчез только Мякиш? Почему только он, а не Стрела, ведь стояли-то они у

зеркала вместе? Может быть, это проклятое зеркало вмещает только одного? Витька встал с пола и осторожно, с опаской подошел к старому зеркалу, в котором отражалось, как ни в чем не бывало, комната с убогим общежитским интерьером. Сейчас на Витьку смотрела его собственная физиономия с испуганными глазами. Волшебное зеркало снова стало обычным! Витька устало опустился на стул, предварительно убрав с него рюкзак. В рюкзаке что-то было.

Скорее машинально, нежели понимая для чего, он стал развязывать тесемки. Раскрыв его, он обнаружил старую тетрадь в коленкоровой обложке, на которой круглым размашистым почерком было выведено «Путевые заметки».

Витька открыл первую страницу и понял, что бравый военный, как школьница-пятиклашка, ведет дневник с самого детства. Он углубился в чтение, на время позабыв обо всем, что с ним приключилось. Возможно, ему просто захотелось в этот миг убежать от своих мыслей или от самого себя, а, быть может, именно в этой тетрадке он хотел найти какой-нибудь выход из безвыходной ситуации?..

– Эй, пацан, ты кто? – Алексей, будто очнувшись от сна, никак не мог понять, почему в его комнате оказался этот рыжий пухлый парнишка, сидящий на полу под зеркалом с изумленным видом. Лицо парнишки показалось ему знакомым.

Сам капитан обнаружил себя сидящим за столом с бритвой в руках. На столе стоял стакан с грязной мыльной водой.

Он машинально перевел взгляд со стакана снова на бритву и подошел к настенному зеркалу. Оттуда на него смотрела заспанная физиономия с недобритыми щеками, вся в засохшей пене.

Переведя ошарашенный взгляд с зеркала на рыжего пацана, он вдруг все вспомнил! Он понял, откуда знает это пухлое испуганное лицо. Это же тот самый мальчишка, который стоял со Стрельниковым за его спиной у витрины мебельного магазина! Алексей видел их обоих в отражении перед тем, как она рассыпалась.

А потом он брился, и опять ему померещились эти двое, но уже – в этом зеркале. Все это мужчине, конечно же, показалось, но зрелище было жутковатое! Их лица будто выплыли сквозь полупрозрачную пелену, которая возникла как бы сама собой. Он еще подумал тогда: отчего это вдруг зеркало так запотело? Потом была какая-то ярко-голубая вспышка, и дальше мужчина ничего не помнил! Скорее всего, это – последствия удара по голове. Вот и чудятся разные страсти... А сейчас этот самый пацан сидит в его комнате на полу под зеркалом и не сводит с него испуганных глаз!

– Ты как сюда попал? Чего молчишь? А где твой друг Стрельников Виктор, Советский Союз? – Алексей пробовал расшевелить рыжего увальня, шуткой разрядить обстановку. – Тебя-то как зовут?

– Саша. Мякишев, – отрывисто и еле слышно произнес рыжий. И, будто спохватившись, продолжил, торопясь и

проглатывая слова: – Мы с Витькой вас искали! Мы все видели! Видели, как вы исчезли! Потом нашли ключ и пришли сюда, к вам в комнату. А вас здесь не было! А потом мы увидели вас в зеркале! А потом я потерял сознание, а когда очнулся, то увидел вас, а Витек пропал. Я ничего не понимаю...

Парнишка был на грани срыва. Алексей подошел к нему, поднял с пола и усадил на кровать.

– Давай-ка, выкладывай все по порядку.

Пока Сашка восстанавливал ход событий, Алексей все больше и больше понимал, что попал в переделку. В памяти стали всплывать факты несоответствия деталей окружающей его реальности с той прежней, в которой он существовал до удара по голове. Постепенно вся разрозненная мозаика фактов сложилась в стройную систему логических рассуждений.

Он, да теперь еще и этот парнишка – Мякишев – попали в другой мир, похожий на прежний, но другой! И с этим придется как-то жить. Но для начала надо понять: так ли сильно изменился этот мир для его товарища по несчастью.

– Значит, ваша физичка считает, что мы с тобой в параллельном мире, из которого не возвращаются? Забавно! Знаешь, я все испытал за тридцать лет – и боль, и страх, и радость с горечью, а вот такого... Как в сказке, ей богу! Ну, да ладно, и здесь люди живут. Может, нам здесь будет лучше, чем там... – Он показал на зеркало. – Знаешь, что, а пойдем-ка в школу! А?!

Чем больше вчитывался Витька в неровные строчки, на-

писанные сначала подростком Лешей Приходько, который хвастался самому себе первой в его жизни спортивной победой, затем юношей Алексеем – неплохим спортсменом и, судя по всему, таким же другом, тем больше понимал, насколько разное у них с Лешей отношение к жизни.

Если Алексей – человек, нацеленный на результат, и не важно, в какой области жизни, то Витька, скорее, похож на лодку без весел, которую болтает любой ветер, неся ее по течению. Особенно поразил Витьку режим, составленный самим Алексеем, когда тот был еще совсем мальчишкой. И ведь придерживался он этого режима всю свою сознательную жизнь! Все по часам, как в армии. Не случайно, видно, выбор его пал на военное училище... Хотя и получилось у него это почти случайно, судя по записям в дневнике.

Витька отвлекся от чтения, вспомнив, как увидел в зеркале бредущего Приходько. Он даже вспомнил время: десять ноль-ноль. Мальчишка глянул на часы и ахнул! Сегодня он прогулял не один, а целых три урока! Надо идти в школу, разговаривать с директором. И с ним вместе решать, что делать дальше. Витька никак не хотел объясняться с бабушкой Мякиша. Может, директор подскажет, как сообщить старушке... А, может быть, пока не сообщать? Может, есть все-таки какой-нибудь выход?..

Стрела положил тетрадь военрука за пазуху, закрыл дверь на ключ и, осторожно ступая по скрипучему полу коридора, пошел к выходу. Сонная старушка-вахтерша даже не об-

ратила никакого внимания на выходящего за пределы общезнания чужого парня.

Пока Стрела шел к школе, в голове у него роились мысли. Он мучительно искал причину перемещения только одного человека, пытаясь восстановить всю картину в памяти.

Вот он увидел, как Мякиш уставился в зеркало. Затем он сам подошел к нему вплотную. Они с Сашком стояли рядом, почти на одном расстоянии от зеркала. Что еще? Комплекция, рост, вес – что? В чем отличие? Может, одежда? Он оглядел себя: ну, майка, куртка, джинсы с закатанными штанинами – лень было отдать в мастерскую обрезать по размеру... Опа! А это что?

Между складками материала в левой штанине что-то сверкнуло. Витька пригляделся, и точно – осколок стекла. Зеркальный кусочек, видимо, попал в штанину, когда работники разбивали молотком куски витрины. И что это нам дает? А то, что в этом-то и есть различие! У Мякиша завернутых штанов не было! Так, так... Значит, именно кусок зеркала не позволил Витьке переместиться вместе с Мякишем! Уже что-то!

Василий Иванович был мрачнее тучи. Он ходил по кабинету взад-вперед, заложив руки за спину. Витька уже давно рассказал ему обо всем, что произошло, но директор все никак не мог успокоиться.

– Ну, какого черта лысого вы стали пялиться в это треклятое зеркало?! Ну, пришли, увидели, что нет никого и все –

назад, в школу! А теперь что прикажешь делать? И это – накануне пенсии! И я тоже-дурак старый! Отпустил сопливых пацанов на такое серьезное дело! Все, теперь скандала не избежать... Ведь пропал ученик во время учебы! А кто его отпустил с урока физкультуры? Я, директор-обалдуй! Что делать, что делать?

– Василий Иванович! А мы можем сказать, что он и не приходил в школу! Тогда к вам, как к директору, никаких претензий не будет! А я подтверждаю! – Стреле стало жалко директора. Уж больно искренне тот убивался.

– А что! Это мысль! – Директор несколько оживился. – Но надо же что-то предпринимать! У тебя-то есть на этот счет мысли?

Витька рассказал про осколок, прибавив к этому свои соображения насчет причины телепортации одного только Мякиша. Директор согласился с этими доводами, но засомневался в практичности такой догадки.

– Получается, что, если у Мякишева и Приходько нет такого осколка, то теоретически можно было бы предположить, что они тоже могли бы переместиться через зеркало, то есть телепортироваться обратно? Но тогда почему во время вспышки не произошло перемещение Приходько – назад, в наш мир?

– Потому что, вероятно, двери открыты только в одну сторону! В данном случае от нас – туда. Ведь говорила же Галина Алексеевна, что в нашем мире люди только исчезали,

но никто еще не возвратился!

– Так-то оно так... Но, быть может, они не возвращались потому, что никто им в этом не помогал, поскольку не был свидетелем самого процесса? Изнутри, так сказать... Понимаешь, Витя? Люди видели только сам факт исчезновения, но никто не присутствовал при самом механизме телепортации, в отличие от тебя. Давай-ка проанализируем еще раз! Значит, сам процесс перемещения начался после того, как ваши глаза с той и с этой стороны встретились... Так? Что было потом?

– Потом мы, одновременно с военруком и Мякишем, заорали, затем была вспышка и... все, я отключился.

– Вот! Ключевое слово – **ОДНОВРЕМЕННО!** Понимаешь? Надо попробовать еще раз устроить сеанс одновременной связи. Если бы вы могли одновременно с двух сторон опять посмотреть в зеркало, то – чем черт не шутит – может быть, они бы снова к нам переместились, а? Что скажешь, Стрельников?

– Здорово, Василий Иванович! Но как их предупредить? Ведь это же невозможно! Да и как они узнают о наших планах? Хотя, я тут прихватил тетрадку военрука... Личный дневник, так сказать. Так вот, из нее я узнал про него, что он, вообще-то, большой педант в смысле режима дня. Понимаете, у него вся жизнь расписана по часам. Он все на свете делает по плану и в строго определенное время. Привычка такая, со спортивного детства.

– И что это нам дает? – Директор озадаченно смотрел на Стрельникова и не узнавал его! Куда подевалась ленивая вальяжность и пофигизм? Сейчас перед ним был вполне взрослый и, главное, благоразумный и сообразительный молодой человек. А он-то всегда считал Стрельникова пропащим!

– Ну, как вы не понимаете, Василий Иванович! Я засек время, когда все произошло – ровно в десять. Значит, вполне можно предположить, что завтра военрук опять будет бриться в это же время!

– Ну, брат, это притянуто за уши! Ты посмотри там, в этой тетрадке, во сколько боевой офицер по утрам бреется? Часов в семь или в восемь? Он же здесь не на службе. Вот он себе и позволил побриться попозже. И не факт, что завтра он повторит этот процесс точно в то же самое время. Да и вряд ли это вообще – самое подходящее время для бритья. Впрочем, других предположений у нас все равно нет. Так что, надо попробовать! Действуй! И еще. Насчет его бабушки. Скажи ей, что Саша сегодня заночует у тебя. А завтра будет видно. Ладно?

– Хорошо, Василий Иванович. Я пошел, до свидания.

Витька, немного приободренный предстоящей попыткой повторения «сеанса связи», как выразился Василий Иванович, побрел домой. Путь его проходил мимо дома Мякиша, и он стал обдумывать, как будет выкручиваться в разговоре с его бабушкой, чтобы та не заподозрила ничего раньше времени. Он даже придумал версию, по которой Витька по

просьбе внука предупредит ее, что Сашка останется у него ночевать. А сам внучок не позвонил, потому что сидит сейчас в Витькином туалете, куда ему срочно приспичило. Они довольно часто ночевали друг у друга и раньше, и особых подозрений это не должно было вызвать.

Подойдя к дому Мякиша, он увидел у его подъезда неотложку. Двое санитаров в это время выносили носилки, на которых лежала какая-то женщина. Некое смутное чувство вдруг охватило Витьку. Он подошел поближе. Так и есть! Это была Сашкина бабушка. Не случайно ему показалось издалека, что он узнал ее красный в белый горох домашний халат. Именно этот халат был подарен внуком на ее день рождения пару месяцев назад! Тем более что они вместе – по просьбе Мякиша – и выбирали его в соседнем универмаге. Вот так-так! И Витька спросил у одного из санитаров, что случилось со старушкой, не забыв при этом представиться ее соседом, живущим на одной с ней лестничной клетке.

– Похоже, инсульт! – молвил хмурый санитар. – Хорошо, что она в это время была не одна, а то могло бы гораздо хуже кончиться. Нас вызвала ее соседка, которая в тот момент находилась у нее дома. Старушке просто невероятно повезло!

Витька вздохнул и про себя подумал: «Да уж, повезло, ничего не скажешь! Но, во всяком случае, это, хотя бы, избавит ее от волнений еще и по поводу своего внука».

Глава 6

Учительница русского языка и литературы Вера Ивановна, сидя за столом у себя дома, готовилась к проверке сочинений, написанных накануне девятиклассниками. Она любила эти вечерние часы, когда можно было расслабиться в тишине после шумного суетного дня в школе. Она вообще любила свою профессию. Еще бы! Как не любить то, что с детства занимало ее сознание на протяжении всей жизни. Литература была ее богом! Все, что касалось ее любимого предмета, было священным! Она и в пединститут пошла, твердо зная, что только литература – ее будущее, ее призвание. Она всегда хотела заниматься только этим! А, уже работая в школе, поняла и другое: учить детей своему предмету – это тоже большая для нее радость.

Ученики тоже, как ей справедливо казалось, по большей части отвечали взаимностью. Они любили этот предмет, и она не без гордости могла сказать себе, что это – ее заслуга! Все-таки она – счастливый человек! Даже сейчас ее дочь, войдя в комнату и увидев огромную стопку тетрадей, разложенных для проверки, в который раз ужаснулась. А ей нравится! Вера Ивановна достала первую тетрадь и прочитала на титульном листе: Мякишев Александр, 9 «Б».

Саша Мякишев, добродушный увалень, как всегда сдал свое сочинение самым последним в классе. И, хотя по ее

предмету он не числился в отстающих, но его природная медлительность делала свое дело. Мякишев был, что называется, середнячком в плане оценок. Ему всегда не хватало чуть-чуть для того, чтобы она, его учительница, могла со спокойной душой поставить ему твердую четверку. А ведь он далеко не глупый мальчик, начитанный. Интересно, чем он порадует ее сегодня?

Вера Ивановна открыла тетрадь и принялась читать, крутя в руке красный карандаш. Мякишев владел материалом вполне сносно. Чувствовалось, что он прочитал «Собачье сердце». Но, чем дальше она читала, тем больше ее брови поднимались от удивления. Саша, начав писать по литературной теме, довольно быстро сбился на вольную, дав своим мыслям совершенно иной ход. Описывая Шарикова, он совершенно правильно оценил его, как олицетворение рабской, по своей сути, людей, волею судьбы пришедших к власти.

«...Только на месте угодливости и покорности начальству у них появляется столь же холуйская жестокость к зависимым от них людям. Власть шариковы получили раньше, чем, хотя бы, основы культуры и образования...»

Как здорово он написал! Только за одну эту фразу ему можно было уже поставить «пять». Но дальше Мякишев, словно забыв об основной теме, продолжал:

«...Булгаков на свой страх и риск

экспериментировал над живым существом, превратив против его воли из собаки в человека. Это, конечно, фантастика! Но как было бы здорово, если бы нашелся такой вот профессор Преображенский, который своим фантастическим экспериментом мог бы перенести человека по его желанию, например, в прошлое. Чтобы он, этот человек, изменил бы там некоторые события, предотвратил бы беду. Что-нибудь типа машины времени. Р-раз, и ты уже там, где тебе необходимо быть – в том месте и в то время.

Я бы сам с удовольствием поучаствовал в таком эксперименте вместо Шарикова. Я бы попросил этого профессора, чтобы он перенес меня на семь лет назад на конец июня, когда мы всей нашей семьей отдыхали на море. Тогда я бы ни за что не позволил своим родителям поехать на ту проклятую прогулку по горному серпантину. И они остались бы живы, не упали бы в пропасть из-за отказавших вдруг тормозов, и мы бы сейчас жили все вместе: я, мои родители и бабушка, которая не отпустила меня тогда с ними на эту прогулку...»

Вера Ивановна знала про эту семейную трагедию семьи Мякишевых. Тогда Саша только-только закончил первый класс. Они, учителя, узнали обо всем только в сентябре. К сожалению. Каково же пришлось маленькому мальчику без поддержки взрослых в тот момент! Прошло семь лет, а душевная травма у него осталась до сих пор. Бедный мальчик! Учительница, вздохнув, вывела под сочинением Саши Мя-

кишева большую красную пятерку – быть может, единственную за все время.

Когда Алексей с Сашком, – как теперь он называл своего товарища по несчастью, подошли к школе, уроки были в самом разгаре. Внешне школа, как и его общежитие, ничем не отличалась от той, из другой жизни. Разве что палисадник сбоку от входа был более ухожен – цветов побольше, да и огорожен он был теперь невысоким пластиковым декоративным заборчиком ярко-зеленого цвета.

– Ну, вот, говорил я тебе, что в этом мире все гораздо красивее! – сказал Алексей хмурому Сашке. – Выше нос, дружище!

Алексей бодрился, в то время как у него самого на душе скребли кошки. Ведь он и сам не знал, что они увидят здесь. Он опасался отнюдь не за себя. Кто его самого здесь знает в этом городе, кроме директора? Никто! А Сашок проучился здесь восемь лет, вернее – там. А, впрочем, чего загадывать, будет видно! Они зашли в школу. Охранника на посту не было, как не было и самого поста!

«Интересный факт!» – отметил про себя Алексей и посмотрел на своего спутника. Тот, казалось, ничего не заметил, поглощенный собственными мыслями. Лицо у него было сосредоточено, губы плотно сжаты.

– А пойдём-ка к кабинету директора, а? – Алексей тронул Сашка за плечо. Тот даже вздрогнул от неожиданности. Да, видать, не просто ему сейчас!

– Да-да, – рассеянно произнес Сашок, – конечно, пойдете.

Они поднялись на второй этаж и подошли к кабинету. Сашок вдруг остановился.

– Алексей Алексеич, а можно, я с вами туда не пойду? Вы идите один, а я вас здесь подожду. Вдруг он меня не узнает? Вдруг я уже здесь не учусь!

На Сашку было жалко смотреть. Алексей прекрасно понимал его состояние. Неокрепшая психика девятиклассника, попавшего в чужой мир и, возможно, потерявшего всех, кто ему дорог, была, судя по его состоянию, на грани срыва.

– Конечно-конечно, ты прав! Подожди меня здесь. Я скоро. Только никуда не уходи. Слышишь, Сашок? Все будет хорошо. Я с тобой!

Алексей, по привычке одернув одежду, решительно постучал в дверь.

– Войдите! – Услышал он знакомый директорский голос.

Алексей вошел в кабинет и огляделся. Внешне он мало отличался от прежнего. Разве что стены были выкрашены, как видно, не так давно, да и мебель была поновее, что ли... Или это ему показалось?

– Чем могу? – Василий Иванович удивленно поглядел на вошедшего мужика, с виду молодого и сильного, с царапинами на лице.

Алексей такого никак не ожидал! Директор явно не узнавал его.

– Василий Иванович! Это же я – Приходько, новый военрук!

Но сам Алексей уже понял, что все это бесполезно.

– Простите, молодой человек, но вы что-то путаете! У нас есть военрук. И второй нам, как вы понимаете, не нужен. Пойдите, мы с вами разве знакомы? Откуда вы знаете мое имя? И вообще, как вы сюда попали? Он нажал на селектор и, не дожидаясь ответа, спокойно проговорил: – Вера! Почему вы пропускаете посторонних? Вера, вы меня слышите?

– Там вашей секретарши не было... Не волнуйтесь, я не грабитель! Вот мои документы, а вот направление из управления образования.

Директор непонимающе разглядывал бумаги.

– Ничего не понимаю! Я не давал никаких разнарядок на будущий год. Просто не успел еще! Это какая-то ошибка. Мне действительно нужен учитель, но химии, а не военрук! Наша учительница уходит в декрет... Вечно они там все напутают! Вы извините, молодой человек.. – Он взглянул в документы. – Алексей Алексеевич, что я вас так встретил. Но и вы тоже хороши! Нет, чтобы сразу представиться. А то сразу: я – новый военрук! Да вы присаживайтесь. А химию вы случайно не преподаете? Жаль, жаль, а то бы мы с вами сработались, я это чувствую!

– И вы меня извините, Василий Иванович. Они действительно что-то напутали. А имя ваше мне в окружном управлении образования сказали. Это я так просто пошутить ре-

шил насчет того, что мы с вами знакомы. Да, видно, не удачно! Ладно, еще раз извините, пойду опять туда, пусть перепишут направление... Всего доброго. Рад был знакомству! – Он пожал руку директору и вышел за дверь.

В это время прозвенел звонок, и школа наполнилась гулом голосов, топотом ног и криками уборщицы, гоняющей малышню.

«Вот такие вот пироги с котятами!» – подумал Алексей. Самые худшие его опасения начали сбываться. В этой школе он уже чужой, еще не успев стать своим!

Мысли его переключились на Мякишева. Опа! А где же он? Сашки нигде не было видно. Алексей побрел по коридору, пытаясь высмотреть в галдящей толпе своего нового друга.

Ночью Витьке приснился странный сон. Будто бы он идет по густому лесу Солнце едва пробивается сквозь плотную завесу густой растительности. Он один продирается сквозь чащу. У него цель – найти своего друга! Он знает, что тот попал в беду. И друг где-то здесь, совсем рядом. Витьке очень страшно. Скоро стемнеет, а следов своего друга он никак не может отыскать, хотя точно знает, что тот где-то здесь. Но где?

Он пытается кричать, но тщетно – ничего, кроме испуганных криков какой-то птицы он не услышал. И Витька понимает, что, если до наступления темноты он Сашку не найдет, будет поздно! С ним произойдет нечто ужасное! И Витька не

вынесет этого! К тому же, мальчишка понимает, что и сам заблудился. Выхода нет!

«Сашка-а-а!» – с надрывом кричит в последний раз Витька и... просыпается от звука собственного голоса.

Было раннее утро. Будильник показывал 7-30 утра. Он проснулся даже раньше, чем обычно. Что за сон ему приснился? Что-то очень неприятное про Мякиша. Он помнил из своего сна, что ему было очень жалко его, и что он, Витька, что-то не успел сделать. Но что – хоть убей, не помнил! Ну, да ладно.

Сегодня ему предстоит попытаться выйти на «связь» с его другом и Алексеем Приходько. Вчера Витька дочитал его дневник. Как же, все-таки, трагически у этого молодого мужика жизнь сложилась! Судя по откровенным высказываниям, он нашел свое призвание – стать военным. Получалось, что сама судьба подталкивала его к этому: и спорт, и учеба в спортивном ВУЗе, и вынужденный уход из него, и поступление в военное училище. И, только учась там, Алексей окончательно понял, что выбрал абсолютно правильный путь. А все восемь лет службы только подтверждали этот выбор. И надо же такому случиться – разбиться после сотни удачных прыжков...

Витька привел себя в порядок и поспешил в общежитие.
– Куда? – загородила ему проход ожившая вдруг старушка-вахтерша. – По какой такой надобности с утра пораньше в наши пенаты? Кто таков?

– Да я в четырнадцатую, к Приходько, бабушка. Это – наш будущий учитель. Вот, тетрадку ему принес. Он очень просил!

– Приходько, говоришь? Чегой-то не припоминаю. Из новеньких, что ли? – строго произнесла старушка, водружая на нос очки в роговой старомодной оправе.

Она достала замусоленный журнал и, шевеля губами, стала водить заскорузлым от спиц пальцем по строчкам.

– Приходько, Приходько... А, вот, точно! Как это я забыла?

Позавчерась он и приехал! – Старушка удовлетворенно закрыла журнал и вдруг, словно проснувшись, почему-то зло брякнула: – Не положено! Посторонним – не положено! А пусть он мне сам скажет, что ты к нему. А то много вас здесь шатается без дела... Знаю я вас, молодежь современную. Сталина на вас нету! Распустили вас «дерьмократы» проклятые! Не положено, и все тут! – Бабка-сталинистка была непреклонна, словно красноармеец на баррикадах.

– Бабушка, милая, – взмолился Витька, с ужасом понимая, что из-за причуд старой ведьмы он может пропустить сеанс связи, – да вы поймите: не может он сам! Приболел сильно. Он, знаете, в аварию, ведь, недавно попал! Видели, наверное, как его покалечило, всю голову себе разбил. Нельзя ему вставать! Отлеживается он. Поэтому мне и позвонил. Вы что же, хотите сорвать учебный процесс? Наш директор, Василий Иванович, это не одобрит. Ведь это он меня к нему

и отпустил! Позвоните ему, он сам подтвердит!

– Это который Василий Иванович? Не Филиппов, ли?

– Он! – подтвердил удивленный таким знакомством своего директора Витька.

– Ну, так бы сразу и сказал – про Василия Ивановича-то! – Бабку словно подменили. Она расплылась в улыбке. – К нему мы всегда с нашим уважением! Ну, так что ж ты встал, милоч? Проходи скоренько! – Бабка, как чеховский хамелеон, мгновенно переменила гнев на милость. – И приветик от Настасьи Тимофеевны директору передавай! Скажи, мол, от той Тимофеевны, что с первомайской демонстрации, в прошлом году. Он, может, и вспомнит! – Бабка мечтательно закатила глаза.

Но Витька уже ее не слушал. Он опрометью бежал на второй этаж. Времени оставалось в обрез!

Глава 7

– Мякиш, а чего ты не ушел-то? Вот чудак, ей богу! – на него с удивлением смотрел Бублик. – Тебя же отпустили! Ты что забыл, что родители твои приехали!

– К-какие р-родители? – от неожиданности Мякиш стал заикаться.

– Да что с тобой? Ты заболел, что ли, или от счастья в зобу дыханье сперло? – Димка покрутил пальцем у виска и умчался.

Мякиш стоял, как громом пораженный. Что такое бормотал этот шут про его родителей? Он, что, гад, издевается? Кажется, всей школе давным-давно известно, что он – круглый сирота. Тот же Бублик в третьем классе обзывал его сиротой казанской, пока не получил от Стрелы в рыло.

Мякиш ничего не понимал, что происходит! Но где-то в глубине души у него вдруг пробудилась махонькая, с булавочную головку, надежда, что в этой реальности у него (или не у него?) родители живы!

– Саша! Мякишев! Что-нибудь произошло? – Вера Ивановна шла по коридору в учительскую, неся журнал под мышкой. – Я слышала, что Василий Иванович передал через Галину Алексеевну, чтобы она тебя отпустила с урока физики. Тебе разве не передали, что твои родители приехали из экспедиции? Они ему сами звонили и просили тебя отпу-

стить. Да что с тобой? На тебе лица нет! Ну-ка, пойдём в амбулаторию. Что-то ты мне сегодня не нравишься. Да и оброс ты как-то. Мне вчера показалось, что у тебя стрижка, вроде, покороче была, или я ошибаюсь? – Она с сомнением уставилась на его рыжую шевелюру. – Ну, так что, сам-то сможешь дойти?

– Спасибо, Вер Ванна, со мной все в порядке! Я, пожалуй, действительно домой побегу!

Мякиш ликовал! Сомнений не было. Здесь, в этом мире, у него есть родители! Он, позабыв обо всем, кинулся к выходу и... нос к носу столкнулся со Стрелой.

– Витька! – обрадовано завопил Мякиш и сгреб друга в объятия, но Стрела стоял, как вкопанный, не в силах проронить ни слова.

– Это... как это? – Стрела смотрел на Мякиша безумными глазами. Губы его дрожали, щеки побелели, и стал виден шрам на лбу, полученный в давнишней драке. – Ты жив? Как же это? Я же собственными глазами... – Он вдруг стал ощупывать Мякиша, словно хотел убедиться, что тот из плоти и крови.

– Ты чего, Витька? Что ты видел? Да успокойся ты! Видишь, жив я!

Прошло добрых пять минут, пока Стрела начал говорить, кое-как придя в себя от изумления.

Не далее, как сегодня, когда физичка отпустила Мякиша к неожиданно вернувшимся из геологической экспеди-

ции Сашкиным родителям, он, Витька, под шумок также слинял с урока, мотивируя это тем, что нужно будет помочь Саше Мякишеву принести тяжелые камни для школьного геологического музея, созданного с подачи тех же Сашкиных родителей. И вот, когда пацаны перебежали улицу, какой-то ненормальный на огромном черном мотоцикле, внезапно вынырнув из-за угла, со всего маху наехал на Мякиша, подбросив того вверх, словно тряпичную куклу. И так же, ни на секунду не сбавляя ходу, умчался, даже не оглянувшись.

Тут же собрался народ. Сашу увезла приехавшая через десять минут скорая, затем милиция, в лице лейтенанта с измученным лицом, спрашивала его о чем-то, а он только смотрел на него и ничего не понимал. В конце концов, лейтенант отступился от него, махнув рукой. Кто-то спросил его про пострадавшего, и лейтенант сообщил, что пацан умер по дороге в больницу, не приходя в сознание, – слишком силен был удар!

А Витька все стоял и стоял на обочине дороги, где на его глазах погиб лучший друг. Не зная, что делать, он, почему-то, решил пойти обратно в школу. В последний раз, словно прощаясь с этим местом, отнявшим у него друга, убитый горем мальчик оглядел и эту дорогу со следами крови, и эту обочину, и кусты вдоль нее, словно стараясь запомнить...

А что это? Витька присмотрелся – в кустах напротив того места, где он стоял, виднелось что-то черное. Он подошел ближе и ахнул: это была сумка в виде офицерского план-

шета, принадлежавшая Сашке! Витька взял сумку – единственное, что теперь напоминало ему о Мякише, и побрел к школе. Там он решил пока припрятать это вещественное доказательство в одном укромном уголке. У них с Мякишем был такой – под сценой в актовом зале. Они давно облюбовали это место, скрытое от чужих глаз разной рухлядью, валившейся здесь с незапамятных времен. Вот Витька и решил спрятать планшет туда.

А когда он возвращался обратно, у него чуть сердце не разорвалось, когда он увидел самого Мякиша – живого, здорового и вполне упитанного. И даже с сильно отросшей вдруг рыжей гривой.

Мякиш был потрясен и... счастлив! Теперь, в этой жизни, у него были не только его родители-геологи, но и по-прежнему преданный друг Стрела. Что еще нужно человеку для счастья! А все объяснения – потом, потом. А сейчас вместе с другом домой, к своим родителям и бабушке!

Витька еле успел. Даже дверь позабыл прикрыть. Он встал перед зеркалом и с напряжением следил, как ленивая минутная стрелка медленно, словно старая черепаха, ползет к «12».

Наконец час пробил! Витька, зачем-то широко открыв глаза, с надеждой и напряжением стал всматриваться в свое дурацкое отражение. Если бы в этот момент за ним кто-нибудь наблюдал, то сильно усомнился бы в его душевном здоровье. Витька не помнил, сколько он так простоял. От на-

прращения глаза стали слезиться и ему даже на миг почудилось, что в зеркале возникла та же самая мутная пелена, но это был всего лишь обман зрения.

Проморгавшись, удрученный неудачей Витька сразу же убедился в этом. Эксперимент не удался! Витька еще разок взглянул на свою унылую физиономию и показал ей язык. Противное отражение не осталось в долгу! Ну, что ж, первый блин комом! Возможно, пропавшие еще не сообразили, что именно надо сделать, чтобы помочь себе вернуться. А может быть, им уже это не нужно? Витька гнал от себя эти мысли, но вспыхнувший, было, лучик надежды стал постепенно угасать.

– А-а-а, я так и знала! Соврал, поганец?! – Послышался противный голос старой коммунистки. – Ну, и где же твой учитель? И почему ты один в его комнате? А ну, пошел отсюда, паршивец. Вот, все расскажу Василию Ивановичу! – Старуха вдруг замолкла, с ног до головы окидывая мальчишку подозрительным взглядом. – А ну, выворачивай карманы, проходимец! Небось, уже спер чего, щенок?

– Да вы что, бабуся? Какие карманы? Алексей Алексеич просто вышел в туалет. Я же говорил – болеет он! А карманы – вот, пожалуйста. Только тетрадка его. Придет он сейчас. Ждать будете?

Старуха только плюнула в ответ и пошаркала дальше по коридору.

«Да, надо что-то придумать! Она меня точно больше не

пустит!»-Витька положил тетрадку в рюкзак, а сам рюкзак в шкаф. Замкнул дверь на замок и поплелся в школу.

Алексей сбился с ног, лавируя между оравой школьников, снующих туда-сюда, как заведенные. Может он пошел к себе в класс? А что, хорошая мысль! В любом случае, его нельзя сейчас одного оставлять. Какой там класс у него? Девятый – это точно, но их же несколько. Может, зайти опять к директору? Нет, лучше секретарши никто не скажет. Он даже имя ее знает – Вера!

Секретарь директора Вера, а по совместительству студентка вечернего факультета одного из педвузов Москвы, была человеком практичным, самодостаточным и инициативным. Она точно знала, что хотела от жизни на каждом ее этапе. В школе – получить аттестат без троек, сейчас, в институте – получить диплом. Что касается дальнейшей работы, то только пребывание в стенах школы поможет понять, насколько она, Вера, способна причислить себя к разряду сеятелей разумного, доброго и вечного. Она пока еще не вполне определилась. С одной стороны, ее, вроде бы, не раздражала атмосфера школы. Ей даже приходилось как-то по просьбе директора провести урок чтения у третьеклашек. И ей понравилось. Она видела, как маленькие люди буквально смотрят ей в рот.

С другой стороны, она каждый божий день видит всех преподавателей-женщин, в большинстве своем выглядящих не слишком счастливыми. Или это только так кажется?!

Женский дух, пропитавший учительскую, тоже наводил на определенные мысли.

Сидя сейчас в директорском предбаннике, она представила себя вот так, всю жизнь работающей в сугубо женском коллективе, и ее передернуло.

В их группе было всего четыре парня на двадцать пять девчонок. И что? Опять из огня да в полымя? Нет, сначала надо выйти замуж, а уж потом вариться в собственном соку, круто замешанном на бесконечных бабских сплетнях о том, кто, как и с кем...

А ведь она, натуральная блондинка, достаточно стройная с хорошей фигуркой, так и не встретила пока своего единственного. Она вздохнула и мечтательно закрыла глаза, обрамленные длинными темными ресницами.

«Вот было бы здорово, – подумала она, – если я бы сейчас открыла глаза, и нате вам, пожалуйста – жених собственной персоной. И он произнесет...»

– Здравствуйте, Вера! – Прозвучал вдруг приятный мужской голос.

Вера вздрогнула, распахнула глаза и вновь их закрыла. Этого не может быть! Перед ней стоял он – красавец мужчина, своей улыбкой напоминающий известного артиста-плейбоя, побывавшего в какой-то уличной переделке, судя по небольшим царапинам на лице. Но они только красили его. Жених собственной персоной! Примерно таким она и представляла своего будущего избранника в своих девичьих гре-

зах. Да что там, именно таким!

– Вам плохо, Вера? – участливо спросил «жених». – Может, я могу вам чем-то помочь?

– Нет, спасибо! – Вера уже пришла в себя. – Что вы хотели, молодой человек? И откуда знаете мое имя? – Она посмотрела на него, но сразу же отвела взгляд, будто опасаясь, что этот красавец моментально прочтет ее мысли.

– Просто, я не так давно был у вашего директора, и он при мне попытался вызвать вас по селектору, чтобы отругать за то, что вы пропустили меня к нему. Он у вас всегда такой строгий? Впрочем, это не важно. У меня к вам вопрос... – «Жених» по-прежнему улыбался. – В каком классе я могу найти Мякишева и Стрельникова?

– В девятом «Б»... А зачем вам? – запоздало поинтересовалась Вера.

– Видите ли... – Парень на мгновение задумался. – Они мне нужны по линии... спорта, – брякнул Алексей первое, что пришло ему в голову.

– Спорта? – удивленно переспросила Вера. – А вы ничего не путаете? Они вам вряд ли подойдут. Если, только, Стрельников... Но он, вроде, не по этому делу. Он у нас, скажем так, чемпион школы по прогулам на длинные дистанции! А что касается Мякишева, то он, скорее, больше шахматист, чем атлет.

Алексей тут же ухватился за эту идею.

– А я разве не сказал? Именно по шахматам! Оба занима-

ются у нас в шахматной секции. А я – их тренер!

– Вы? – с сомнением произнесла Вера, оглядывая широ-
ченные плечи и военную выправку молодого мужчины. – Я
несколько иначе представляла себе шахматистов...

– И, тем не менее, вы угадали! Или вы знали?

– Да нет, просто догадалась. Я, знаете, догадливая. – Ве-
ра наконец улыбнулась этому красивому парню. – Только
насчет вас ошиблась. Я сразу же решила, что вы – спортс-
мен-атлет. Никогда бы не подумала, что вы занимаетесь шах-
матами.

– Вы и не ошиблись. Я действительно – не только шахма-
тист, но и неплохой спортсмен-легкоатлет. Во всяком случае,
был им когда то... Вера, скажите, а что вы делаете сегодня
вечером? – Алексей смотрел на нее уже серьезно, по-дело-
вому. Только глаза его продолжали улыбаться.

– Ничего! – поспешно сказала Вера и тут же залилась ру-
мянцем, с ужасом понимая, что, наверное, выдала себя с го-
ловой. – И потом, я даже не знаю, как вас зовут...

Но парень, будто ничего не замечая, сообщил:

– В таком случае, нам надо обязательно встретиться и по-
говорить о чем-нибудь, кроме спорта. А зовут меня Алексей.
Фамилия – Приходько. Не женат. Не состоял. Не привлекал-
ся. Все остальное – при встрече! А сейчас, Верочка, вы меня
извините, мне надо идти. Но обещаю: как только решу все
оргвопросы с ребятами, вернусь, и мы договоримся о встре-
че. Ведь вы же не будете возражать?

Вера понимала, что этот парень, с его уверенной манерой говорить и держаться, даже более настойчив, чем того требовали, по ее мнению, приличия. Но это ей понравилось! Ей захотелось вообще во всем безоговорочно подчиниться ему! Такого с ней еще не было. Она не узнавала саму себя. Всегда уверенная в себе, она могла ответить дерзостью на любую дерзость. Но сейчас... Она чувствовала себя, как рабыня – полностью во власти этого незнакомого парня, которого она видит впервые в жизни!

И девушка только покачала головой, подтверждая, что не будет возражать против встречи. Парень улыбнулся на прощание и ушел. Вера привычным движением достала зеркальце из сумочки и посмотрела на себя. На нее смотрело абсолютно счастливое лицо, внешне похожее на ее прежнее, но, все же, имелось одно существенное отличие – глаза! Глаза на этом лице были не ее! Они принадлежали уже другой Вере. И эту новую Веру прежняя еще не видела и не знала!

«Что ж, привыкай, Вера! Теперь ты – другая! Теперь ты знаешь, чего хочешь. Умри, но добейся его!» – Вера кивнула своему счастливому отражению, а вслух ответила и ему и своим мыслям:

– Обязательно добыюсь!

Тем временем Алексей, добираясь до нужного класса, думал об этой удивительной девушке. Вот на такой бы он женился хоть сейчас, не задумываясь. Какая она эффектная! И, несмотря на эту свою внешнюю привлекательность, девушка

краснела, как дурнушка! Да, никак не ожидал Алексей, что в таком мегаполисе, как Москва, он встретит такую вот краснеющую, словно из глубинки, особу!

В классе, где учились Стрельников с Мякишевым, он узнал, что их обоих(!) еще утром отпустили с уроков. А самое главное, причиной этому послужил приезд родителей Мякишева!!! А ведь Алексей отлично помнил, как Сашок рассказал ему, что беспокоиться по нему, пропавшему, будет только старенькая и насквозь больная бабушка, так как родители его давно погибли в автокатастрофе. Он еще тогда посетовал, что старушка не выдержит такого удара.

Что же получается? В этой новой реальности у его молодого друга есть родители?! Вот это да!

Забыв про данное Вере обещание, Алексей вышел из школы. Его настолько потрясло это сообщение, которое не укладывалось в голове, что сейчас он был не в состоянии думать ни о чем другом. Его мысли плавно перенеслись на себя самого. Интересно, а сам он здесь, в этой жизни, кто есть такой? И вообще, существует ли в этой реальности еще один Алексей Приходько, как существуют, оказывается, Виктор Стрельников и Александр Мякишев, который, к тому же, уже не сирота. Постой, постой... Так что же это получается? Здесь два Сашки Мякишева?!

Надо обязательно встретиться с ним... или с ними? Он запутался окончательно. Единственное, что он знал, это то, что сейчас надо идти к себе (или не к себе?) в общагу и ждать, ко-

гда пацаны к нему придут. В том, что к нему придет как минимум Сашок, Алексей не сомневался. Он вздохнул и, удовлетворенный принятым решением, решительно отправился в общежитие. Про Веру мужчина так и не вспомнил...

Глава 8

Стрела еле поспевал за своим другом. По дороге Мякиш все время молчал и только повторял одно и то же: потом, потом, все потом! Ну, потом, так потом. Главное, что его друг жив! Правда, в голове у Витьки эта потрясающая метаморфоза никак не укладывалась. Ведь на его собственных глазах Мякиш был сбит тем мотоциклом, который даже не сбросил скорость и не изменил траектории. Вот, кстати, тоже странность! Ему казалось, что мотоцикл должен был хоть как-то, но изменить свое движение при столкновении с любым мало-мальски тяжелым объектом. А Мякиш – он вон, какой упитанный! И потом, при таком сильнейшем ударе вряд ли может выжить, а тем более, хоть как-то не пострадать любой человек! А на нем – Витька еще раз внимательно поглядел на маячившую впереди спину его друга – даже царапины не видно! А, может быть, это просто галлюцинация?! Может быть, он, Витька, болен какой-то неизлечимой душевной болезнью, и ему кажутся такие страшные вещи, которых на самом деле и не было? Одно из двух: либо это ему привиделось, либо Мякиш... вовсе не Мякиш, а кто-то другой! И, кстати, эти его вдруг отросшие патлы! Витька даже замедлил бег, но, увидев, что Мякиш в этот момент оглянулся на него, показывая, мол, не отставай, снова припустился за другом. Он решил ничего не предпринимать, справедливо полагая,

что уж родители-то смогут распознать свое чадо.

– Саша, сыночек! Здравствуй, мой родной! Как я по тебе соскучилась! – Мама Мякиша – Ольга Антоновна – обняла и поцеловала сына. – Ого, как ты оброс! И похудел, по-моему... А почему так поздно? Тебя не сразу отпустили? Здравствуй, Витенька, извини, что не сразу поздоровалась. Ты должен меня понять – как-никак, целых полгода сына не видела! – Она была в домашнем халате и со сковородкой в руке. – Давайте, ребятки, проходите, мойте руки и к столу. Сейчас из магазина придут папа с бабушкой, и мы все отметим наш неожиданный приезд. Знаешь, это такой удачный случай, что мы смогли вырваться. Наша экспедиция, – ты знаешь, рассчитана еще минимум на четыре месяца. А тут вдруг понадобилась консультация одного специалиста из нашего НИИ, да еще и документы кое-какие завезти в институт надо было. Вот мы с папой и попросили, чтобы нас двоих отпустили. А потом мы все втроем и уедем. Уже сегодня вечером, правда... Ты рад, сынок?

– Конечно... мама. Мы очень рады... с Витей, – Мякиш отвечал как-то странно, не отрывая взгляда от лица Ольги Антоновны.

Но она, казалось, не замечала этой странности в реакции сына. Витька-то сразу все это подметил! Но виду не подал. Его подозрения по поводу друга укреплялись с каждой секундой. Он с изумлением отмечал про себя, КАК Мякиш оглядывал свою квартиру. КАК смотрел на свою мать и са-

мое главное, КАК он разговаривал! Это был не Мякиш! То есть, Мякиш, конечно, но какой-то другой, будто с другой планеты!

Раздалась трель дверного замка.

– Иду, иду! – Ольга Антоновна побежала в коридор.

Витька, наблюдая за реакцией своего друга, не мог не отметить про себя, что тот явно нервничает. А ведь это его родители, которых он не видел больше полугода!

– Ты чего стоишь, Мякиш, иди, встречай батю! – он старался говорить как можно более естественно, но Сашка, затравленно прислушиваясь к голосам, доносящимся от входной двери, не трогался с места. Он был почти в ступоре.

Витька понял его замешательство по-своему. Он уже не сомневался в том, что его друг не тот, за кого выдает себя! И он, видимо, боится, что это обнаружат остальные! Ну, что ж, тогда надо скорее разрешить эту проблему с его, Витькиной, помощью. Он по-дружески обнял Сашку и стал мягко, но настойчиво подталкивать того в коридор.

– О-о-о, кого я вижу! Ну, сынок, обними-ка своего папуль-ку! – Сергей Николаевич, Сашкин отец, широко разведя руки с авоськами, шагнул навстречу к сыну.

Витька чуть подтолкнул Мякиша к отцу, не сводя при этом глаз с его лица, которое одновременно выражало целую гамму чувств – и страх, и радость, и растерянность, и даже нежность! Витька перевел взгляд на бабушку, которая с улыбкой смотрела на сына и внука.

– Ну, что же ты, Сашенька? Или не соскучился по папе? – бабушка, слепо щурясь, подбодрила Мякиша, сделавшего пару неуверенных шагов к отцу. И вдруг его словно прорвало!

– Папа, папочка! Если бы ты знал, КАК я соскучился по тебе и маме!! Если бы ты только знал!! Вы оба даже не представляете, как я мечтал об этом моменте всю свою сознательную жизнь! – Он поперхнулся и, уткнувшись в отцовское плечо, горько и безутешно зарыдал.

Наступила тишина, прерываемая лишь угасающими всхлипываниями Сашки. Все стояли, как громом пораженные. Теперь у всех без исключения на лицах было одно и то же выражение – безмерное удивление.

Неловкое молчание прервал Витька, оправившись первым. Как преданный друг, он решил помочь Мякишу (или его клону!), попавшему в очевидно безвыходную ситуацию благодаря своему нестандартному поведению.

– Вы, пожалуйста, не удивляйтесь! Это мы с Сашкой поспорили на мой плеер, что он меня сможет удивить настолько, что в его выходку поверят все его родные, то есть вы. И это ему вполне удалось! Понимаете, у нас в школе организовали театральный кружок, и Сашка захотел в нем поучаствовать. А я ему сказал, что его не возьмут, потому что у него нет для этого никаких данных. Вот он и решил доказать и мне, и себе, да теперь и всем вам, что я был не прав! Ты выиграл, Сашка, держи пять! Плеер твой!

– Ну, вы, блин, даете! – только и смог произнести потрясенный Сергей Николаевич, и все облегченно засмеялись.

Мякиш с благодарностью посмотрел на друга и пожал протянутую ему руку.

– Спасибо за плеер! – произнес он с чувством, глядя другу прямо в глаза. Но взглядом поблагодарил совсем за другое...

...Когда вечером Мякиш вышел проводить Стрелу, тот опять задал все тот же, мучавший его, вопрос. И Мякиш, ничего не утаивая, рассказал своему другу все от первого до последнего своего шага, включая сегодняшний день.

Витька был снова поражен в самое сердце. Он много читал о параллельных мирах, об исчезновениях людей, о реинкарнации и тому подобном, но сейчас, когда ему самому пришлось вплотную столкнуться с непостижимыми и необъяснимыми явлениями, он не сразу смог поверить в это. Хотя доказательств к этому было – хоть отбавляй! Особенно его поразил тот факт, что у Мякиша в той, другой реальности, родители погибли.

О, как он теперь понимал его поведение в чужом-своем доме! Еще неизвестно, как бы сам Витька повел себя, попади он в подобную ситуацию.

– И что же ты намерен делать, Сашок? Ведь, насколько я понимаю, там у тебя осталась бабушка? Она точно не вынесет еще одной потери!

– Так-то оно так... Но ЗДЕСЬ у меня есть все мои родные, а ТАМ-только бабушка! Ты-то сам что бы на моем ме-

сте сделал?

Молчишь? Вот и я не знаю... Хотя, нет – знаю! Я останусь здесь! И – точка! Слушай... – Мякиш вдруг задумался. – А как же Алексей Алексеевич? Ему-то, наверное, есть, что терять в том мире, в отличие от меня. Я совсем про это забыл. Что ты думаешь об этом?

Стрела призадумался. Что вообще можно было предпринять в этой ситуации? Скорее всего, ничего уже сделать нельзя, раз, по словам Мякиша, так говорила его физичка. Но попробовать-то никто не запрещает! И, если этот военрук действительно захочет вернуться, то...

– Слушай, Мякиш! У меня идея! Ты ведь говорил, что попал к нам сюда с помощью зеркала в комнате военрука, ровно в десять часов утра, так? Ну, так и вот! Я бы, на месте того Стрельникова, обязательно попробовал бы повторить эту ситуацию в мельчайших деталях. Понял?

– Точно! Ты – гений! Скорее всего, тот Стрельников решит сделать так же! Здорово ты придумал! Есть только одно «но». Я не хочу возвращаться, и принимать участие в этом эксперименте не буду! Вот так!

– Чудак ты, все-таки, Мякиш! Я тебе этого вовсе и не предлагаю. Мы это твоему военруку предложим! Понял? Где, говоришь, его общежитие?

Друзья, приняв решение обязательно посетить военрука завтра сразу после школы, распрощались и поспешили домой к своим родным.

Вера была разочарована. Мужчина ее мечты оказался обыкновенным лгуном и, судя по всему, ловеласом высшей пробы! Только такому, выдавшему виды сердцееду и дамскому угоднику, с такой легкостью удалось бы покорить ее сердце. Да, она, влюбившись в первый раз, с первого взгляда, тут же потеряла веру в мужчин. Забавно-Вера потеряла веру... А, ведь, каков подлец! Так проникновенно задурил ей голову обещанием прийти сразу же после решения своих проблем с мальчишками из 9 «Б»! Вот, точно! – надо будет спросить их, как найти их тренера Алексея Приходько. Вера невольно улыбнулась, вспомнив, как он представился ей при их знакомстве. А ничего, что она первая попытается его найти? А как же гордость? Проклятые традиции! Кто вообще придумал, что первым проявить инициативу должен обязательно мужчина? Где, в каком таком законе это прописано? Нет, она наплюет на эти условности и будет бороться за свое счастье. И пусть ее осуждают эти старые клуши! И даже пусть об этом узнает вся школа, если пацаны проболтаются. Наплевать! Она дала торжественное обещание сама себе и сделает все, чтобы его выполнить. Вот завтра и узнает от Стрельникова с Мякишевым все. Сегодня, кажется, их с уроков отпустили...

На следующий день Вера сразу же после первого урока поймала двух друзей, о чем-то с увлечением споривших, стоя у окна в коридоре.

– Мальчики, здравствуйте!

– Привет, – хмуро буркнул Стрельников, а Мякишев уставился на нее так, как будто впервые увидел.

– Вас вчера искал ваш тренер по шахматам. Он вас нашел?

– Кто-о? – протянул удивленный Стрельников. – Да я даже в шахматы играть не умею! – Он выглядел абсолютно правдивым.

– А-а-а, это такой здоровый бугай в коричневой куртке? – Мякишев мельком глянул на друга. Тот понимающе кивнул.

– Ну, да! Алексей Приходько. А разве он не ваш тренер по шахматам? – Девушка испытующе глядела на Стрельникова.

– Ну, конечно! А что, уже и пошутить нельзя? – осклабился тот.

Противный девятиклассник еще надумал насмеяться над ней!

Вера, еле сдерживая негодование, продолжила:

– Понимаете, он сначала заходил к директору... и оставил у него там один документ. Так вот, мне поручено передать этот документ ему лично в руки! – Вера опять покрылась предательским румянцем.

От хитрого Стрельникова это не укрылось.

– Так в чем же дело! Давай сюда свои документы, а мы ему передадим. Как раз сегодня у нас с ним встреча... в шахматном клубе.

– Во-первых, не давай, а давайте! А во-вторых, я же сказала, мне надо самой передать, лично и под расписку. – Она взглянула на пацанов. Противный Стрельников улыбался во

весь рот, а Мякишев смотрел на нее недовольно. – Скажите, где находится ваш клуб, и я сама выполню это важное директорское поручение. – Вера уже всерьез злилась и на пацанов, и на себя за то, что вот так просто позволила раскусить себя.

– Понимаешь... то есть, понимаете, Вера... – Стрельников сделал паузу. – Тренер просил нас, чтобы мы никому не называли адрес клуба. Дело в том, что этот клуб находится на закрытой территории. Туда все равно никого не пропускают. Нужно специальное разрешение. Нас знаете, как долго туда не пускали, пока Приходько для нас пропуска не добился! Так что – извините! – Мальчишка взглянул на секретаршу. – Но мы можем сказать ему, чтобы он сам зашел в школу за этим своим документом. Так, ведь, будет проще? – опять улыбнулся девятиклассник.

– Да, пожалуй, ты прав. Мы так и поступим. Только ты передай ему, что, мол, его ждет... директор для разговора. – Вера готова была провалиться сквозь землю!

Она отвела Витьку в сторонку.

– Слушай, Виктор, ты ведь уже взрослый парень, и все понимаешь, не так ли? Давай начистоту. Да, он мне очень понравился! И я хотела бы с ним снова встретиться, понимаешь? Будь мужчиной, сделай что прошу. Не говори ему, что это МНЕ надо, скажи: директор вызывает! Договорились? А за мной не пропадет. Выручу, если что! Только уговор – все между нами! Лады, Витек?

– Договорились! Я и так все понял! Ладно, мы пошли, сей-

час урок начнется.

Алексей, лежа на общежитской койке, вот уже три часа кряду изучал потолок. Какие только мысли не посетили его во время этого увлекательного занятия. И все они хороводом вращались вокруг одного основного вопроса: как ему жить дальше, если у него есть двойник! Он пришел к основному выводу – раз он оказался в том же самом общежитии, в котором оказались его вещи, значит, здесь остановился и его двойник! А это, в свою очередь, означает только одно: скоро он с ним неизбежно столкнется!

Глава 9

Вера не находила себе места. Какая же она дура, что раскрылась перед этим молокососом! Он еще так хитро ей сказал, что и так все понял. Можно себе вообразить, в каком свете он представит ее своему тренеру! Наверняка он не сможет устоять перед искушением посмеяться над дурехой, распахнувшей ему свою душу!

Нет, пускаться на самотек такое дело нельзя ни в коем случае! Иначе она потеряет того, о ком мечтала всю жизнь. Значит, надо просто проследить за мальчишками и узнать, где обитает этот супермен-шахматист.

Сказано – сделано! После уроков Вера, не дожидаясь, пока основная масса школяров выпорхнет из школьного гнезда, вышла за ворота и встала так, чтобы ее не было видно со стороны школы. Ждать пришлось недолго. Два дружка, словно заговорщики, молча и с серьезными лицами быстрыми шагами прошли мимо Веры, которая, прячась за прохожих, проследовала за ними.

Вера чувствовала себя при этом неумелой ищейкой-детективом из плохого кинофильма. Впрочем, меры предосторожности, как выяснилось, были напрасными. Пацаны, не оглядываясь, чапали напрямик в свое секретное место.

Девушка сильно сомневалась насчет закрытого предприятия, на территории которого почему-то располагается дет-

ская шахматная школа. Похоже, известный враль Стрельников разводил ее... Тем более, она правильно сделала, что решила проследить за ними.

Между тем ребята подошли к старому обветшавшему зданию и вошли вовнутрь. Вера подошла ближе и прочитала на табличке: «Общежитие № 3».

Так вот, оказывается, где располагается секретная шахматная школа. Или здесь проживает только тренер этой школы? Или не тренер? Она зашла в общежитие. За стойкой сидела вахтерша и читала какую-то потрепанную книжку. Услышав шаги, она оторвалась от чтения и сонными глазами уставилась на симпатичную девушку.

– Вы что-то хотели, милочка? – проговорила она, с интересом окидывая модный Верин прикид, надетый по случаю предстоящего свидания.

– Да, я ищу Приходько Алексея. Он, ведь, здесь проживает? – спросила наудачу Вера.

– Что-то всем сегодня понадобился Приходько. Не успел человек из больницы вернуться, как все к нему и поперли! Дали бы человеку отдохнуть! Чай, не с отдыха вернулся. Почитай, с того света вытащили! – Словоохотливой старушке было явно скучно. Ее буквально распирало от желания с кем-нибудь поболтать.

Ну, что ж, это Вере и было нужно! Более благодарного слушателя эта болтливая старушка еще не видывала.

– Надо же, а я и не знала, что мой сокурсник был болен...

Как же это случилось? Неужели, он и в самом деле был при смерти?

– И не говори, милая! Это ведь в мое дежурство приключилось. Аккурат третьего дня. Значитца, сижу я, книжечку эту читаю. А уж поздно было, часов одиннадцать... Вдруг слышу – шаги такие, знаешь, шаркающие, как будто старичок какой идет. А ведь здесь у нас все молодые, семейные тоже есть. Здесь ведь, раньше-то, заводское общежитие было. Я сама на том заводе нормировщицей почитай сорок лет отбарабанила! Ну, и вот... а как завод-то закрылся наш, то стали все вокруг продавать-перепродавать. И до общежития этого добрались. Сейчас здесь кто только не живет, но ничего плохого про нынешних хозяев не скажу. В наше общежитие абы кого не пускают! Иностранцев всяких, китайцев или вьетнамцев каких, здесь отродясь не бывало! Народ, в основном, хоть и молодой, но культурный. Так вот, о чем, бишь, я? А-а! Вижу – спускается, болезный. Да бледный какой! «Баба Настя, – говорит, – что-то плохо мне! Может, съел чего – не знаю. В животе словно огнем горит. Вызовите, пожалуйста, врача, а то у меня на телефоне деньги кончились».

Ну, я пока номер-то неотложки набирала, он сполз так тихонечко по стенке на пол, я сразу-то и не увидела! В общем, приехала скорая минут через пятнадцать. Посмотрели, пощупали, головами покачали. Что-то между собой переговариваются. Слышу только, молоденькая-то сестричка врачихе и говорит, мол, жалко его, молодой совсем. А та на нее ши-

кает – рано, мол, еще хоронить-то. Ну, я подбежала, спрашиваю: «Милые, скажите: что с ним?» А они – то ли перитонит, то ли еще какое слово мудреное... Короче, с кишками хворь какая-то приключилась. Не знают, выживет ли! Вот такие дела. А вчера гляжу, как ни в чем не бывало идет. Лицо, правда, порезанное немного, да шишка на лбу красная. Я говорю ему, мол, что, выписали уже? А он прошел мимо, даже глазом не моргнул. А как заболел, так баба Настя вырчай! А еще интеллигентом прикидывается! Да забыла сказать – он еще ключ от своей комнаты – четырнадцатой – потерял! Представляешь, каким он из больницы той вернулся? Потому сильно и не обижаюсь я на него, болезного... – Бабка поджала губы и отвернулась от Веры. Затем вздохнула и прибавила: – Очень он на моего внука похож. Красивый такой же и здоровый.

– Наверное, бабушка, вы правы! Не стоит его сейчас беспокоить! Я попозже зайду. А сейчас схожу-ка я за апельсинами, все-таки болел человек. Неудобно как-то без гостинца... А ему скажу, чтобы он вас поблагодарить зашел.

– Ну, иди, милая, иди. Тем более, его там сейчас ученики проводят. Как уйдут, я тебя к нему и пушу!

– Спасибо, бабушка, я скоро.

Вера вышла из общаги. Теперь она обязательно навестит его. Еще бы, такой повод шикарный! Придется, наверное, что-нибудь соврать – откуда она узнала про его жилье и больницу. Ну, ничего. Она что-нибудь придумает, а может быть,

ничего и придумывать не придется.

– Ну, наконец-то! Я уж думал, что ты на радостях про своего соотечественника позабыл! – пошутил явно обрадованный приходу двух друзей Алексей. – Расскажи-ка, Сашок, как тебя встретили твои родители и бабушка. А потом я расскажу, что мне пришло в голову, пока я тебя здесь дожидался. Давно бы ушел отсюда, чтобы со своим двойником не встречаться, да не мог. Знал, что вам меня только здесь найти можно.

– Это вряд ли, насчет двойника! – подал голос дружок Сашки, Виктор. – Мы тут с Мякишем прикинули и решили, что все неспроста. Двойники, судя по всему, встретиться не могут. Правда, это только наше предположение, но оно вполне закономерно и логично. Вот, послушайте.

И друзья, перебивая друг друга, поведали Алексею все, что с ними произошло, вплоть до сегодняшнего дня. Не забыл Витька рассказать смутившемуся вдруг Алексею и о просьбе Веры, вернее – директора, прийти в школу. (Он во время вспомнил о наставлениях секретарши). Впрочем, Алексею, казалось, сейчас было не до амуров. Он долго молчал, а потом сказал охрипшим от волнения голосом:

– Боюсь, ребята, вы правы. Я сейчас вспомнил, что, когда в общагу пришел, мне вахтерша что-то такое про больницу говорила. Я тогда этому никакого значения не придавал, да и, честно говоря, не до того было... И только сейчас до меня дошло – двойник мой в больнице лежит, если, конечно, жив

он. Вот это нам и надо выяснить в самое ближайшее время. Ладно, вы идите по домам, а мне поразмыслить надо... А вам бы я настоятельно советовал то же самое сделать относительно Сашкиного двойника, сбитого мотоциклистом! То, что он погиб, я понял. Но, ведь, это значит, что, если происшествие зарегистрировано хоть где-нибудь, твои родители и бабушка, Сашок, должны быть оповещены. Понимаешь? Поэтому надо поинтересоваться хотя бы в «скорых». А завтра встретимся в это же самое время. А что касается повтора сеанса потусторонней связи – отличная идея! Об этом тоже следует подумать. И спасибо, что передали просьбу Веры, вернее – ее директора! – Приходько улыбнулся.

Ребята, выйдя из общаги, едва не столкнулись с самой Верой, еле успевшей вовремя ретироваться за распахнувшуюся внезапно входную дверь. Они прошли, ничего не замечая вокруг, все также молча и сосредоточенно.

«Да что там такое у Приходько происходит, в этой общаге?» – с тревогой подумала Вера. То, что здесь нет никакой шахматной школы или студии, она уже поняла, как поняла и то, что ее «жених» – не москвич. Впрочем, этот факт даже обрадовал предприимчивую по натуре Веру, поскольку являлся ее дополнительным козырем. Ей, как и очень многим коренным москвичам, казалось, что любой россиянин жаждет проживать только в столице. Она снова зашла в общежитие, держа в руках авоську с апельсинами, купленными неподалеку, понимающе переглянулась со старушкой и,

получив молчаливое ее одобрение в виде кивка, стала подниматься на второй этаж, где и находилась комната № 14.

Девушка остановилась перед дверью. Боже мой, что она делает?! Если бы еще позавчера ей кто-нибудь сказал бы, что она придет в общагу к незнакомому парню, сама, да еще при- тащит ему, как близкому человеку, апельсины, она бы только рассмеялась ему в лицо. Но теперь все изменилось! Она ведь – ДРУГАЯ Вера. И ей, другой, все нипочем! Вера глубоко вздохнула, поправила одежду и решительно постучала в дверь.

– Да?! – Услышала она знакомый и ставший уже почти родным голос. – Кто там?

– Это я – Вера! – У нее предательски дрогнул голос. – Алексей, можно к вам. Я по делу! – Вера замерла в ожидании ответа, еле сдерживая свое сердце, готовое выскочить из груди.

– Вера? – прозвучал удивленный голос Алексея. – Да-да, конечно! Верочка, простите, у меня не убрано. Две секунды, буквально!

Послышался шорох убираемых вещей, скрип дверцы, грохот какой-то мебели, сдавленное чертыханье вполголоса, и наконец дверь распахнулась. На пороге возникла здоровенная фигура улыбающегося шахматиста.

– Проходите, пожалуйста, и располагайтесь здесь. – Он широким жестом указал на единственный стул, сиротливо прижавшийся к квадратному столу посредине небольшой

комнаты.

Вера, поздоровавшись, присела на краешек стула, а Алексей, смущаясь убогости обстановки, сел на кровать и, продолжая улыбаться, уставился на нее во все глаза.

– Алексей, – начала Вера, нервно перебирая ручки своей модной сумочки, – я пришла вам сказать, что... – Она подняла глаза на Алексея и осеклась: мужчина смотрел на нее уже без улыбки, серьезно, но в его глазах она прочла не столько вину за свой поступок, сколько сильнейшее желание! – ... Что вы, Алексей, поступили со мной, по меньшей мере, не как подобает мужчине. И я возмущена вашим поведением! Ребята из нашей школы сказали, где вы живете... – При этих словах Вера опустила глаза и опять залилась румянцем. – К тому же я узнала, что вы были больны и, наверное, поэтому немного не в себе. И только ваша болезнь позволяет мне не сердиться на вас. Я даже принесла вам апельсины, вот! – выдохнула она с облегчением и протянула небольшой пакет этому молодому и здоровому парню, который совершенно не выглядел больным.

– Так вы на меня не сердитесь! – Он принял пакет и аккуратно пристроил его на кровати. – Верочка, я все равно хочу извиниться! Но, поверьте, со мной произошли такие вещи, что я и сам не знаю, что мне делать дальше! – Алексею вдруг захотелось рассказать ей все, что в последнее время приключилось с ним. Да что там – в последнее время, про всю свою жизнь! – Верочка, ведь вы не торопитесь? Мне многое надо

сказать вам.

– Нет, не тороплюсь. Я вас, Алеша, буду очень внимательно слушать. Рассказывайте. – Вера ликовала – он решил довериться ей!

Мужчина поднялся с кровати, взял ее за руку и усадил рядом с собой на узкую скрипучую кровать, заботливо подложив под спину единственную подушку. Сам же, привалившись к спинке, начал рассказывать о своей жизни, начиная аж со школы.

Веру настолько захватил его рассказ, что она забыла обо всем на свете. Когда Леша, как она его уже про себя называла, стал рассказывать о последнем для него прыжке, она даже вскрикнула и приникла к его груди. Но, тут же взяв себя в руки, стала слушать дальше. Когда же Алексей дошел до эпизода с витриной, девушка встала с койки, отошла к столу и снова присела на стул.

Да он обманывает ее! Просто пудрит мозги! А она распустила нюни, клуша!

– Вы мне не верите? – без всякого выражения спросил Алексей. – Я так и знал! Я и сам во все это до сих пор не очень-то верю... Но – факты! Помните, Вера, я говорил вам, что приходил к директору? – Он вытащил из кармана какую-то бумагу и протянул ей. – Так вот, как видите, у меня на руках это направление именно в вашу школу на должность военрука. А теперь скажите: у вас свободна эта вакансия? То-то же! И потом, вы мне только что говорили про больни-

цу, куда увезли того Алексея Приходько. Понимаете, того, а не меня!

Вера молчала. Это были убийственные доказательства. И ей стало нестерпимо жалко его. Она поднялась со стула и вновь присела на кровать.

– Бедненький мой, сколько же тебе пришлось натерпеться! – Девушка погладила его по голове, как маленького. Но, видя ответный порыв, мягко отстранилась.

– Что же вы собираетесь делать теперь? – спросила она участливо, снова переходя на «вы».

– Не знаю, – честно признался Алексей. Первым делом хочу выяснить про того, другого, попавшего в больницу. Вот, прямо сейчас и позвоню. Надо только выяснить по «03», куда меня... то есть его – увезли. Скажу, что я – его сосед по общежитию.

Он набрал номер, и через некоторое время стало известно, что Алексей Приходько скончался по дороге в больницу, не приходя в сознание. При себе у него документов не было. Нет, насколько он, сосед, знает, у него нет родственников в Москве, и хоронить будет некому. Хорошо, он постарается узнать, что сможет, и сообщить относительно его родственников, да и насчет документов тоже!

Наступила долгая пауза. Алексей ошарашено смотрел на трубку телефона, не в силах произнести ни слова. Предположения пацанов подтвердились еще раз! Двойники встретиться не могут.

– Вера, а ведь действительно: в его вещах, – я проверял, никаких документов не было. Куда же они могли подеваться? – Мужчина с тревогой посмотрел на Веру.

– Я, кажется, догадываюсь, – задумчиво произнесла Вера. – Только мне не понятно, почему она их сразу не отдала?

– Вы это о ком? – Алексей все еще не понимал. Он до сих пор находился под большим впечатлением от услышанного.

– Да я о старушке-вахтерше! Мне кажется, вам, Алексей, про документы надо спросить у нее и, кстати, поблагодарить бабулю за свое «чудесное спасение».

– Вы правы, Верочка! Как сам-то я об этом не подумал! Что бы я без вас делал? Как хорошо, что вы пришли! Если бы вы знали, как вы мне нужны сейчас! – Алексей смотрел на Веру, взяв ее руки в свои огромные ладони.

– Только сейчас?! – спросила Вера с надеждой, глядя ему прямо в глаза.

– Всегда! – произнес Алексей глухим голосом и привлек девушку к себе...

– Что вы делаете? – слабым голосом проговорила она, не в силах сопротивляться ни ему, ни себе, а ее руки уже гладили его волосы.

– Молчи! Молчи... – нежно проговорил он, приныкая лицом к ее груди. При этом его сильные руки уже крепко обнимали ее талию.

– Сумасшедший! – только и смогла сказать счастливая Вера. Она уже ни о чем не думала. Весь мир для нее сузился до

пределов этой маленькой комнаты и вертелся только вокруг ее любимого человека...

– Скорая? Скажите, а как можно узнать о происшествии с наездом на подростка? Мотоциклом, два дня назад. Как фамилия? Мякишев, Александр, пятнадцать лет! Не поступал? Спасибо, извините... – Саша Мякишев, закрывшись в своей комнате, так, чтобы не услышала опять прихворнувшая бабушка, вот уже почти час названивал во все районные станции скорой помощи. Но пока все было тщетно! Оставалось дозвониться еще, буквально, по нескольким номерам, как вдруг его посетила одна мысль. Он набрал номер Стрелы.

– Витька, слушай, – вполголоса проговорил Мякиш, – а как ты думаешь, у него, другого Мякишева, при себе были какие-нибудь документы? Ну, паспорт, например?

– Не знаю! – честно ответил Стрела. Сам я его не ношу. Да и зачем? А ты, кстати, сам носишь с собой паспорт? Нет? То-то же. А зачем тебе?

– Ну, как ты не понимаешь?! Ведь он попал в больницу и, если у него вдруг были с собой какие-нибудь документы, тогда все пропало. Помнишь, о чем предупреждал Приходько?

– Да не парься ты! Не было у него никаких бумаг, это точно! Тем более что и сумку с тетрадками, где указана твоя фамилия, они не забрали. Представляешь, какой силы удар был, что сумку далеко в кусты отбросило!

Но упрямый Мякиш продолжил свои поиски, продлив-

шиеся еще час. Да, дозвониться до всех районных станций было очень сложно, но результат стоил того. Пострадавший подросток с фамилией Мякишев нигде зарегистрирован не был. Но было, как выяснилось, несколько безымянных трупов примерно этого же возраста – результаты случившихся недавно ДТП.

Глава 10

Весь день, сидя в школе за партой, Витька ловил себя на мысли, что невольно поворачивается в сторону своего друга, как если бы он продолжал сидеть рядом с ним. Никак не мог привыкнуть Витька к этой потере. К его прежней рассеянности, прежде основанной исключительно на лени, прибавились еще и бесконечные размышления, связанные с Сашкой, которые отнюдь не добавляли ему внимания на уроках.

– Стрельников! О чем ты все время думаешь? – поинтересовалась у него Галина Алексеевна своим тихим голосом, лишенном какой-либо окраски. – И, кстати, ты не знаешь, почему сегодня отсутствует Мякишев?

Витька замер на мгновение. Вот оно – началось!

– Не знаю. Приболел, наверное!

Физичка с сомнением посмотрела на Витьку.

– Как бы там ни было, но экзамены по физике никто не отменял! Будь умником, не отвлекайся, пожалуйста, и перепиши с доски хотя бы тему сегодняшнего урока. И знаешь, что... приходи-ка сюда в класс на большой перемене. Я хочу поговорить с тобой. Хорошо?

Витька кивнул. Может быть, у физички появились какие-то идеи насчет всей этой истории.

Повтори еще раз: как ты, сказал, его фамилия? Макашин? – Директор Василий Иванович записал фамилию на

бумаге. – Хорошо, я возьму его. Какие благодарности! Свои люди – сочтемся.

Ему звонил давний знакомый, директор школы, находящейся в другом районе Москвы, который попросил принять в девятый класс внука своей сокурсницы. Буквально несколько дней тому назад они переехали в Москву и поселились где-то недалеко от него, Василия Ивановича, школы. И, хотя на дворе конец учебного года, Василий Иванович внял настоятельной просьбе своего приятеля. И каково было его удивление, когда он услышал фамилию этого девятиклассника – Макашин! Почти Мякишев...

Директор положил трубку на рычаг и в первый раз в жизни серьезно задумался над тем, что не все в этой жизни можно объяснить земными законами. Это ему-то, человеку прошлой эпохи, возвращенному на марксистко-ленинской материалистической теории, которому всегда были чужды любые, даже малейшие отклонения от материализма! Он всегда с презрением относился к подобным фактам и фактикам, наводнившим средства массовой информации. Но теперь, после случая с исчезновением Алексея Приходько и особенно – Саши Мякишева, ученика ЕГО школы, он внимательно прочитал об этом явлении все, что смог найти на бескрайних просторах всемирной паутины, выбрав, на его взгляд, наиболее достоверные источники. И то, что он узнал, потрясло его воображение! Не столкнись он сам с таким явлением, все это просвистело бы мимо Василия Ивановича. Он даже рас-

печатал на принтере несколько таких заметок, касающихся теперь и его, директора, проблемы.

Василий Иванович выдвинул ящик стола и достал отпечатанный на принтере листок. Он надел очки, и в который раз уже стал перечитывать текст:

«...В 20 веке таинственные исчезновения продолжились. В 1930 году было зафиксировано исчезновение населения целой эскимосской деревни, расположенной на берегу канадского озера. Пропажу обнаружил охотник, который не нашел в деревне ни одной живой души. При этом все вещи и теплая одежда жителей остались на месте, хотя на улице стояла зима. Следов на снегу вокруг деревни также обнаружить не удалось.

Особенно часто газеты сообщали о пропаже людей в северо-восточной части США, в штате Вермонт. Там жители исчезали из своих домов и прямо на улицах. Всего пропало несколько десятков человек. В 1949 году, прямо в следующем по маршруту автобусе, испарился бывший солдат, который дремал на своем сиденье. Этот случай произошел на глазах у четырнадцати свидетелей.

В 1975 году в США пропала женщина, которая на минуту вышла из машины, чтобы протереть запотевшие стекла. Поднеся руку с тряпкой к стеклу, она растворилась в воздухе на глазах у мужа.

Загадочное исчезновение произошло в 1971 году возле Стоунхенджа. Группа хиппи из семи человек решила разбить лагерь среди камней

мегалита. Глубокой ночью мимо их шумного лагеря проезжала патрульная полицейская машина. Полицейские увидели, как гигантские камни внезапно озарились ярким голубым светом. Машина немедленно свернула к мегалиту. В лагере полицейские нашли вещи, палатки и никаких следов людей. Семь человек пропали без следа...»

Директор встал из-за стола и подошел к окну. За стеклом билась весна. Воробьи, словно оглашенные, весело и оглушительно чирикали, сидя на оживших после зимы деревьях. Жизнь, несмотря ни на что, продолжалась, и ее надо было принимать такой, как она есть. Со всеми ее причудами и заморочками, – как принято теперь говорить в молодежной среде.

Что ж, не будем заморачиваться на тему: как такое могло произойти? Ну, и что с того, что вместо исчезнувшего Саша Мякишева сегодня на его место придет другой Саша – Макашин? А, кстати, почему Саша? Его знакомый директор не называл имени этого пацана. Но в глубине души ему почему-то хотелось, чтобы новичка звали именно так – Александр.

– Тебе было хорошо, милый? – спросила Вера Алексея. Они лежали на узкой и неудобной общежитской койке, и это был, по сути, первый вопрос, заданный ими друг другу с того момента, как Вера перестала что-либо соображать, подавшись своему чувству.

– Конечно! – Он встал с койки, включил свет и стал неторопливо одеваться. За грязными стеклами было темно. – Пойду вниз к вахтерше.

– Иди, мой дорогой! – Она ласково посмотрела на своего Лешу и увидела хмурое выражение его лица. – Что с тобой, милый?

– Вера, послушай, может, мы сильно поторопили события? Ты мне безумно нравишься. Я даже готов хоть сейчас на тебе жениться! Но пойми и ты меня – кто я такой в этой жизни? Бывший военный, не состоявшийся военрук?.. У меня даже документы на несуществующего в этом мире человека!

– Давай не будем, как ты правильно сказал, торопить события, – произнесла Вера. – Но не будем торопить в другом смысле. Ты ведь слышал, что у них нет документов того Приходько. Значит, они здесь! А ты теперь – и есть он! Давай, иди скорее, пока она там не заснула, – уже очень поздно! И поверь мне, все будет хорошо!

На большой перемене Витька, как и обещал, пришел в кабинет физики. Галина Алексеевна сидела за своим столом и раскладывала перед собой какие-то листки. Она взглянула на вошедшего.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Витька, не скрывая ничего, рассказал физичке обстоятельства исчезновения Мякиша.

– Я так и знала! – Она закусила губу. – Какой ужас! А ведь я вас обоих предупреждала! Кто-нибудь еще знает об этом?

– Василий Иванович.

И Стрела выложил их совместный с директором план «посторонней связи», включая свои предположения по поводу зеркального осколка.

– Очень сомневаюсь, что из этой затеи что-то получится, но это-лучше, чем ничего! Тебе надо быть очень осторожным. Мы ровным счетом ничего об этом не знаем! Я бы посоветовала тебе все-таки во все это не ввязываться! Не хватает еще, чтобы и с тобой что-нибудь случилось. Ты меня слышишь, Витя?

Стрела глядел в пол, сжав кулаки. Галина Алексеевна положила руку на плечо своему ученику. Теперь она знала точно: Стрельников – уже не равнодушный!

– Вот, Витя, посмотри, что я подобрала в Интернете. – Она протянула листок с текстом. – ТЕПЕРЬ, я думаю, это будет для тебя особенно важно.

Витька молча взял листок и прочел:

«... Хью Эверетт в своей докторской диссертации выдвинул теорию, что наша вселенная постоянно множится, создавая бесконечное число себе подобных, которые в тот же миг также начинают расширяться. И во всех этих мирах существуем мы, только в разных ипостасях. То есть в одном мире Хью Эверетт – ученый, в другом – поэт, в третьем – президент и так до бесконечности.

Миры делятся в ответ на наши поступки, в момент выбора. Например, в своей вселенной мы пошли в

магазин, а в параллельной – остались дома читать книгу. Понятно, почему таких вселенных бесконечное множество – каждый человек сталкивается с проблемой выбора едва ли не ежеминутно. В итоге в своем мире мы остаемся жить, а созданные вселенные существуют сами по себе, хотя все они населены нашими двойниками.

В Институте философии РАН подсчитали, что число параллельных измерений может достигать нескольких сотен. Мы не можем их увидеть, так как в нашей реальности они находятся в свернутом состоянии. И, тем не менее, они существуют...»

– Витя, я хочу сказать тебе, что не надо так убиваться по другу! Вполне возможно, что там ему живется во много раз лучше, чем здесь! Понимаешь? Я знаю, что такое дружба, и как тебе тяжело перенести такую утрату. Но я также знаю, что, несмотря на невозможность объяснения некоторых сверхъестественных явлений законами современной физике, тем не менее работает один закон. И мы его уже проходили! Закон сохранения энергии. А если сказать по-простому, то природа не терпит пустоты. Если в одном месте убыло, то обязательно прибудет в другом! Все будет хорошо! И ты, я уверена, еще найдешь друга, даже если это будет и не Саша Мякишев!

– Спасибо вам, Галина Алексеевна! Я все понял! Я пойду. Вон, уже ваши ученики заглядывают.

Зазвенел звонок, и в класс ворвалась веселая толпа.

«Мне бы ваши заботы!» – с тоской подумал Стрела и вы-

шел из класса.

– Ну, проходите, проходите, пожалуйста, – проговорил Василий Иванович, привставая со своего кресла перед вошедшими к нему в кабинет пожилой женщиной и рыжеватым(!) парнишкой, с интересом изучавшим интерьер директорского кабинета. «Ну, вылитый Мякишев!» – подумалось директору.

– Здравствуйте! – нестройным хором произнесли родственники – бабушка и ее внук. – Петр Дмитриевич сказал, что предупредил вас насчет моего внука Саши(!), – произнесла бабушка строгим голосом явно бывшей учительницы.

– Здравствуйте, здравствуйте! Присаживайтесь. Располагайтесь поудобней! – Директор отметил про себя, что даже не удивился, когда узнал имя мальчика. – Да, безусловно, он говорил про вас. Но не это главное! Вы знаете, – проговорил он, обращаясь сразу к обоим, – в другое время я не стал бы принимать новичка в конце учебного года. Тем более – в девятый класс, когда нужно сдавать экзамены. Но тут особый случай: буквально два дня назад от нас из девятого «Б» класса ушел мальчик с созвучной фамилией Мякишев и таким же именем – Саша. Вот такое совпадение! И что, самое удивительное, он тоже был э-э-э... рыжеватым!

– Ну и что? – удивленно протянул Саша Макашин. – А почему он ушел? – тут же поинтересовался он.

– Они со своей бабушкой переехали в... другой город.

Директор почти не лукавил. Не далее, как сегодня утром,

ему позвонили из клинической больницы, куда попала бабушка Саши Мякишева, и сказали, что бедная женщина скоропостижно скончалась. Поскольку никого из родных, кроме внука, у нее не было, они и решили сообщить об этом печальном известии директору школы, в которой учится этот внук. Вот такая история. А еще говорят, что не действуют земные законы в этой паранормальной кутерьме! Где-то ведь слышал он фразу про природу, которая не терпит пустоты. Исключение в виде отсутствующего у него военрука Приходько, видимо, только подтверждает это правило.

– Считайте, что мы обо всем договорились. Документы принесли? Ну, вот и ладненько. Завтра, Саша, и приходи. Будешь учиться в девятом «Б». Ну-с, не смею больше вас обоих задерживать. Рад был с вами познакомиться!

Директор встал и проводил бабушку с внуком до дверей. Вернувшись на место, он открыл личное дело ученика Макашина Александра Анатольевича и углубился в чтение.

Глава 11

– Бабушка, добрый вечер! – Алексей стоял перед стойкой, за которой перед раскрытой книжкой клевала носом старушка-вахтерша.

Она вздрогнула и, нашарив очки, недовольно начала, было, выговаривать нахалу, потревожившему ее в такой поздний час. Но, увидев, кто стоит перед ней, остановила словесный поток. Лицо ее расплылось в улыбке.

– А, это ты, милоч! Пришел-таки поблагодарить бабушку за спасение души? Подружка твоя, поди, надоумила? А сам, значит, сразу-то не сообразил? Ну, да ладно, я не сержусь. Как ты теперь себя чувствуешь, болезный?

– Все в порядке, бабушка! Я действительно хотел вам сказать большое спасибо. Вы меня просто спасли! Скажите, а документы...

Старушка не дала закончить фразу:

– Ах, я старая дура! Вот дырявая-то голова! Ведь забыла совсем! У нас ведь правило испокон веку, в общежитии-то – в таких вот случаях забирать ценное из комнаты от греха подальше и в сейф запирать. Знаешь же – подальше положишь, поближе возьмешь! Сейчас, милоч, сейчас! Ты уж извини меня, старую... Запомятовала!

И уже через несколько минут Алексей держал в руках комплект документов! Он поблагодарил вахтершу еще раз и

пошел к себе, изо всех сил не показывая свое нетерпение поскорее заглянуть в них! И, только придя в свою комнату, они – теперь уже вдвоем с Верой – стали рассматривать удостоверение личности, принадлежащее офицеру российской армии Алексею Алексеевичу Приходько, а также его санитарную книжку и командировочное удостоверение, выданное в его, Алексея, бывшей части!

Судя по этим документам, ТОТ Алексей Приходько был действующим офицером! К тому же, он был майором и командиром той самой воинской части, где служил не так давно ЭТОТ Алексей!

– Боже мой, Вера, значит, получается, что в этом мире я вовсе не разбился и не уволился из армии! Более того, у меня новое, более высокое звание и должность. И я настоящий, а не бывший офицер, пусть бывших офицеров и не бывает! Понимаешь, что это значит? Это значит, что я служу на Урале! И мне, судя по сроку командировки, надо возвращаться в свою часть уже через десять дней! Но куда я приехал, к кому – не понятно! Видишь, в этом командировочном удостоверении отсутствует и название организации и, тем более, ее печать, а есть только печать нашей части. Что делать, как узнать? Не буду же я звонить в свою часть и спрашивать: для чего они меня сюда послали!

– Я сама позвоню!

– Ты? И что ты скажешь? – Алексей смотрел недоверчиво.

– Ну, например, что ты, попав в больницу в результате

несчастливого случая, временно потерял память. Так годится? – Вера еще никогда не была так уверена в себе. Еще бы, теперь она знала, для кого и для чего жить, и не важно, что для этого надо будет уехать из ее родной Москвы. Не важно, что она еще не окончила институт, что она наконец работает в школе. Все это не важно, кроме одного. Вот этого мужчины, которому надо помочь, с которым надо быть рядом!

– Да, пожалуй, звучит правдиво. Ты у меня умница! – Он снова привлек ее к себе, обняв за плечи, и поцеловал. – Завтра же попытаемся связаться с моей частью. Надеюсь, что в этом мире телефон у них не изменился... Кстати, можно этот факт проверить по его мобильнику. У него же был телефон?

– Точно! Мне вахтерша говорила, что он спустился вниз, когда ему стало плохо, потому что кончились деньги на мобильнике!

– Тогда он, наверняка, где-то здесь. Будем искать или проводить тебя домой? Ведь завтра тебе на работу. А уже очень поздно... – Он смотрел на нее испытующе и с надеждой.

– Будем искать, а потом я пойду на работу... но отсюда, если ты не возражаешь.

Утром в школе друзья обсуждали только одну тему – предстоящий эксперимент с «потусторонней связью», как ее метко окрестил Приходько. Они волновались, как все пройдет, ни минуты не сомневаясь, что Приходько безусловно захочет вернуться. И каково же было их удивление, когда на большой перемене к ним вдруг подошла Вера. Они пони-

мающе переглянулись, но она заговорщицки поманила их в сторонку.

– Ребятки, меня просили вам передать, что сегодня шахматная школа отменяется! – При этом Вера подмигнула опешившим пацанам. – Еще ваш тренер велел сказать, что он еще ничего не решил окончательно.

– Что не решил? – усомнился в словах секретарши Мякишев, соображая, когда они могли встретиться. – Он что, сюда пришел? Тогда почему он сам нам об этом не сказал?

– Вот именно! – поддакнул Стрельников.

– Это не важно, пришел или нет. Важно, что он сказал, что вы поймете, о чем речь. И чтобы вы не сомневались, он просил вас передать только одну фразу: «потусторонняя связь». Усекли, школьники?

– Вера еще раз подмигнула оторопевшим пацанам и ушла, не дожидаясь от них ответа. А про себя подумала, что хоть немного, но отомстила школярам за свое вчерашнее унижение.

– Проходите, Галина Алексеевна! Присаживайтесь.

Директор встал с кресла и стал прохаживаться по кабинету. Все в школе знали об этой его привычке. Когда он не знал, с чего начинать, он всегда вот так расхаживал по кабинету, видимо, собираясь с мыслями. Знала об этой его особенности и физичка, заранее напрягшись в ожидании не слишком приятной, очевидно, беседы.

– Слушаю внимательно, Василий Иванович!

– Я позвал вас, чтобы... э-э посоветоваться. Я знаю, что вы в курсе того, что произошло с нашими двумя учениками и этим новым военруком Приходько. Ребята поделились этим не только с вами, но еще и со мной тоже. Поэтому-то я вас и пригласил. Да, Мякишев и Приходько пропали и, судя по всему, безвозвратно. И об этой истории кроме вас, меня и Вити Стрельникова никто не знает. Понимаете? – Он с надеждой посмотрел на учительницу.

– Пока нет. – Она, как всегда была немногословна и невозмутима.

– Понимаете, сегодня я принял в девятый «Б» тезку пропавшего Мякишева и даже – с созвучной фамилией. Вот такое совпадение! И еще я принял решение вообще не афишировать эти исчезновения. Мы просто скажем, что Мякишев со своей бабушкой переехали в другой город.

– А как же его бабушка?

– В том-то и дело. Мне буквально сегодня сообщили, что она скончалась в больнице. Я уже распорядился выделить от школы необходимые средства, чтобы похоронить ее, как положено. Но в школе об этой истории никто не должен знать, тем более, когда вместо Саши Мякишева завтра будет Саша Макашин. А пойдут слухи об исчезновении, значит – милиция, расследования, то да се... Нам это надо? А так – уехали и уехали! Я могу на вас в этом положиться, дорогая Галина Алексеевна? – Он сел на свое место, давая понять, что сказал все, что хотел.

– Можете, – произнесла физичка голосом, лишенным эмоций, вставая со стула. – Я могу быть свободной?

После ее ухода не прошло и минуты, как послышался стук в дверь.

– Вызывали? – Витька Стрельников с тоской смотрел на директора. Увидев физичку, он сразу догадался, что их вызвали по одному и тому же поводу.

– Да. Проходи, Витя. Садись. – Директор не сомневался, что с девятиклассником ему будет легче и разговаривать, и договариваться. – Помнишь, ты мне сам предложил никому не говорить о пропаже твоего друга? Так вот, теперь и я тебя прошу об этом вполне официально. Скажи мне, тебя спрашивали в классе про Мякишева?

– Ну да! Я говорил, что он заболел. А что я еще мог сказать?

– Все правильно! И еще хочу сообщить тебе очень печальную новость: так и не узнав об исчезновении своего внука, умерла Сашина бабушка. Как бы это кошунственно не звучало, но, быть может, это к лучшему и для нее, и для всех нас. Ты согласен с этим, Витя?

Тот только кивнул. Говорить после этого сообщения ему было тяжело.

– Ты иди, пожалуй, на урок, Витя... Не печалься и знай – быть может, завтра тебя ждет радость встречи с новым другом. Жизнь продолжается, не так ли? И еще. Если будешь продолжать интересоваться Сашей, теперь можешь гово-

ритель, что они просто уехали в другой город. Договорились?

Витька опять кивнул, попрощался с директором и вышел. Он раздумывал над его словами насчет нового друга. И что это директор имел в виду?

После ухода Веры утром Алексей перерыл вверх дном всю комнату.

Телефона нигде не было. Неужели его двойник Алексей забрал его с собой? Или хитрая старушка опять запомнила, но уже по поводу телефона? Даже если она взяла его, вряд ли теперь отдаст. Хотя, может, все-таки пойти вниз и спросить, пока она не сменилась? Мужчина взглянул на часы. Было без четверти девять. До конца ее смены осталось пятнадцать минут. Ну, что ж, стоит попробовать.

– Доброе утро, баба Настя! – приветливо поздоровался он с вахтершей, копавшейся в своей хозяйственной сумке, стоящей за стойкой.

– Здравствуй, милоч!

– Баб Настя, такое дело... У меня, знаете, телефон был сотовый, старенький. Копеечный, в общем... Так вот, потерял я его. А там был номерок один, для меня важный очень. Я вот и хотел с вами посоветоваться: куда мне повесить объявление, в котором я предлагаю нашедшему пять тысяч рублей. Кстати, за эти деньги можно купить аж два новых, и вполне приличных вдобавок!

Бабка внимательно посмотрела на Алексея:

– А ты, часом, не брешешь?

Алексей так и не понял, к чему был отнесен этот вопрос – к самой потере или к сумме вознаграждения. Но все равно отрицательно покачал головой.

– Да вешай хоть здесь, на стенке. А я еще у сменщицы своей-Клавдии попрошаю, она вот-вот подойти должна. Может, она и нашла. В общем, я тоже поищу. Да ты иди, милоч, иди. Если что – принесу, не сумлевайся!

Алексей кивнул и пошел к себе. Кто ее знает, бабушку эту... Он так и не понял – она взяла или нет. Но он сделал все, что мог. Придя к себе, Алексей подумал, что, если ему не удастся дозвониться по известному ему номеру в свою часть, то есть и запасной вариант. Можно будет, к примеру, подойти в ближайший комиссариат и, рассказав им историю с несчастным случаем, попросить их помочь связаться со своей частью. А что? Документы у него в порядке, и отказать они не должны. Возможно, даже помогут. Все равно другого выхода нет.

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите!

Дверь открылась. На пороге стояла вахтерша, и в руках у нее был выдавший виды мобильник.

– Милоч, глянь-ка, не твой? Это Клавка – сменщица моя – сказала, что в ее дежурство ей этот телефончик-то и принесли. Якобы обронил кто-то, ну, ей и отдали. А она его в стол, в свое отделеннице-то положила, да и позабыла. А как я у нее спросила, так она сразу и вспомнила!

– Ну, баб Настя, выручили! А вознаграждение в силе оста-

ется. – Он порылся в карманах пиджака и отдал обещанные деньги алчной старушке. – Еще раз спасибо!

Бабка проворно схватила деньги и сунула их за пазуху.

– На здоровье, милоч, не теряй больше.

Когда за вороватой старушкой закрылась дверь, Алексей только головой покачал и принялся внимательно изучать содержимое памяти телефона его двойника. Ничего, скоро он все выяснит...

Глава 12

Весь день Вера, находясь на работе, была в приподнятом настроении. Во-первых, сегодня пятница, конец рабочей недели, и можно будет больше времени провести с ее Алексеем. А во-вторых, третьих и... двадцатых – все складывается как нельзя лучше! Ее Леша тоже в нее влюбился! Как он тогда сказал: «Хоть сейчас бы женился!!!» А она – хоть сейчас вышла бы за него! И уехала с ним хоть на край света!

Кстати, интересно, нашел он свой мобильник?.. Надо будет позвонить ему! Да даже если и не найдет, они все равно что-нибудь придумают. Она теперь в лепешку разобьется, но поможет во всем своему милому Лешеньке. Вера мечтательно прикрыла глаза. Как теперь, должно быть, хорошо сложится их жизнь. Она уедет с ним на далекий Урал, будет жить в каком-нибудь гарнизоне. Обязательно родит ребенка, будет стирать, готовить, убирать по дому и целыми днями ждать своего Лешу...

Она открыла глаза и задумчиво посмотрела в окно, где расцветала московская весна. Да, ее любимый родной город может если не навсегда, то очень надолго лишиться одной из своих горожанок. Он-то – город – это переживет! А она, Вера, способна на такие жертвы ради своей любви?..

«Конечно!» – закричала любвеобильная половина Вериного «Я».

Зато вторая – более приземленная и слишком рассудительная-немного подумав, хитро поинтересовалась: «А ты, дорогуша, готова сидеть дома в глуши, как проклятая, не имея никакой работы и перспективы когда-нибудь получить ее? Не посещая театры, кино, выставки и своих друзей? А твои родители? О них ты подумала? И не важно, что у них, кроме тебя, есть еще две младшие дочери!»

Впервые за все, не слишком продолжительное время знакомства с Алексеем, Вера всерьез задумалась о том, что в жизни не все так просто.

Приобретая, приходится и что-то терять! А-а-а, будь, что будет! Может быть, когда-нибудь ее Леша дослужится до больших чинов, и они снова переедут в Москву, и тогда она сможет жить в своем городе...

В конце-то концов, будь на ее месте любая девчонка, которая вот так влюбилась без памяти в парня, которого ждала всю жизнь, сомневалась бы она в выборе?! Да гори синим пламенем этот душный суетливый город, эта школа с ее матриархатом и вообще... Что может сравниться с любимым?

И она еще слушает свою слишком рассудительную половинку?! Нет, уже не половинку, и даже не четвертушку! Вера вздохнула свободно – она приняла окончательное для себя решение. Теперь такое же решение должен будет принять и ее ненаглядный Леша! И девушка решительно набрала номер Алексея...

– Ребята, познакомьтесь! Это ваш новый товарищ. Зовут

его Александр Макашин. Приехал к нам из другого города, будет учиться в вашем классе. Прошу любить и жаловать! – Директор дружески потрепал по плечу упитанного рыжеватого и веснушчатого парнишку, которого сам привел на урок литературы в девятый «Б». – Да, чуть не забыл! – Директор остановился на полдороге. – Забыл вам сообщить еще одну новость: Саша Мякишев с его бабушкой переехали, – как мне стало известно, в другой город. Так что у вас снова полный комплект!

– Клево! Вместо Мякиша к нам пришла его копия – Макаша! – не удержался Бублик.

В классе рассмеялись. Что самое удивительное, улыбнулся и новичок: он был спокоен и не обидчив! К тому же, он действительно неуловимо напоминал самого Мякиша – та же комплекция, рассеянная медлительность, добродушное лицо и... рыжеватая шевелюра. Только у этого были еще и веснушки.

– Тогда уж лучше Мякиш, а не Макаша! – возразил Витька Стрельников и, обращаясь к новичку, спросил, улыбаясь: – Не возражаешь?

– Нет, тем более в прежней школе меня так и называли. Можно я с тобой сяду? У тебя ведь не занято?

Витька только кивнул, продолжая улыбаться. Ему явно понравился этот Макашин, он же Мякиш. Теперь Витька понимал давешние слова директора. Ох, и хитрец Василий Иванович. Сумел-таки интригу создать!

– Ну, все, все, угомонились! Продолжаем урок! – Вера Ивановна постучала указкой по столу, призывая расслабившийся класс к порядку. – На прошлой неделе я проверила ваши сочинения по Булгакову и хочу отметить, что меня в очередной раз несколько разочаровала ваша подготовка к предстоящим экзаменам. Надо быть посерьезней, в вашем-то возрасте! Я поставила на этот раз всего одну пятерку. И мне жаль, что я не могу поздравить того человека, который ее заслужил – Сашу Мякишева... Дежурный, раздайте тетради и начнем разбор полетов.

Алексей перерыл всю телефонную книгу мобильного своего двойника и нашел то, что искал. Номер его части, почему-то записанный на букву «Р», был тем же самым. А он думал, что напрочь забыл все, что было связано с его прежней службой. Это был номер комполка Зубарева. Но значился он под именем «работа». Странно обозначил его двойник личный номер телефона своего непосредственного начальника... Ну, да ладно, самое главное – у него теперь есть все необходимое для выяснения причины его здесь пребывания, да еще в гражданской одежде. Алексей тогда еще подметил, что для служебной командировки двойник был одет явно не по уставу. Если это отпуск, то причем тогда командировочное удостоверение? Остается один вывод: это частная поездка, но с определенным заданием; возможно, совмещение отпуска с каким-то специальным поручением. Что же все это значит?

Ну, ничего, скоро придет его Вера, и они узнают сию тайну «мадридского двора».

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – спросил Мякиш у Стрелы, когда они вышли из школы после окончания уроков.

– Понятия не имею. Единственно, какой можно сделать вывод, что никакого сеанса связи сегодня не будет! Слушай, Мякиш, а может, это все к лучшему? Я вот о чем подумал... Представь себе, что во время проведения этого сеанса что-то вдруг пойдет не так. И вместо Приходько в ваш мир перемещусь, например, я? И тогда, согласно нашим предположениям, должен будет умереть тот, другой Витька Стрельников! Или еще хуже – он сам попадет к нам, и тогда погибнуть в какой-нибудь катастрофе должен буду я! Нет уж, пусть все остается таким, как есть. Мне порядком уже надоела вся эта история с перемещениями. Согласен со мной, дружище Мякишев?

– Я-то согласен. Но ты ведь слышал, что сказала Вера – пока не решил. Понимаешь, пока! И это значит, что он может передумать и попробовать переместиться уже независимо от нашего с тобой желания! Возьмет, например, и завтра в десять ноль-ноль подойдет к зеркалу и... привет!

– Что значит – привет? Ты хочешь сказать, что он вот так, не посоветовавшись с нами, захочет повернуть эксперимент, в результате которого я запросто, за здорово живешь, могу оказаться под еще одним мотоциклом? Ну, уж, дудки! Надо сейчас же идти к нему в общагу и сказать ему,

чтобы он не вздумал рисковать ни собой, хотя это его личное дело, ни, самое главное, мной!

И они решительно отправились по уже знакомому адресу, не подозревая, что параллельно с ними, радуясь, как маленькая девочка, туда же направляется и Вера. Она, правда, решила зайти по дороге в магазин, чтобы прикупить что-нибудь на вечер для двоих.

Ребята пришли в общежитие, где их уже знали как учеников то ли спортивного тренера, то ли школьного преподавателя. Поэтому особых препятствий у них, при следовании мимо стойки вахтера, не было. Они поднялись на второй этаж и постучали в дверь.

– Верочка, заходи, чего стучишь! – раздался радостный голос Приходько.

Ребята переглянулись.

– Это мы, Алексей Алексеич, – Мякишев и Стрельников! – как можно бодрее произнес Сашка.

– Заходите, ребята, – проговорил Приходько несколько упавшим голосом, – дверь открыта!

Пацаны зашли и ахнули: они никак не ожидали, что сиротскую общежитскую обстановку можно так изменить, ничего при этом не меняя из мебели. Все сделали цветы! Они были повсюду – на подоконнике, на столе, на шкафу и даже вокруг зловещего зеркала.

– Ну, как, нравится?! – несостоявшийся военрук был явно горд собой. – Смотри, Сашок, что можно сделать со сво-

им жильем ради любимой женщины. Смотрите и учитесь оба! Завоевать понравившегося человека не сложно, сложно удержать его любовь! Вы уже взрослые ребята, и так уже все сами поняли. А я кривить душой перед вами не хочу и не буду. Я, кстати, с минуты на минуту жду Веру. Но пока ее нет, хочу поделиться с вами тем, что мне удалось узнать. Как мы с вами и предполагали, мой двойник умер прямо в машине скорой. Но здесь остались его документы, из которых следует, что я, то есть мой покойный двойник – действующий офицер, майор и комбат! Понимаете, не в запасе, а продолжающий службу в армии! А здесь он в командировке. Такие вот дела! И сегодня мы с Верой как раз собирались позвонить в мою, то есть его часть, и узнать, для чего он приехал сюда из уральского гарнизона. А это – мой бывший гарнизон, понимаете, мой! И теперь уже именно я сам буду служить в своем гарнизоне. Это же была моя мечта – продолжать служить!

– Другими словами, вы не захотите теперь проделать эксперимент по «потусторонней связи» для того, чтобы попасть обратно? – серьезно спросил Стрела, в упор глядя на Алексея.

– Конечно, нет! Ни за какие коврижки! Вот, ты, Сашок... – Он посмотрел на Мякиша. – Захотел бы ТЕПЕРЬ вернуться? То-то же! Вот, так же и я!

Раздался негромкий, глухой стук в дверь, как если бы кто-то стучал носком обуви.

– Леша, это я! Открой, у меня руки заняты! – раздался голос Веры.

Ребята даже удивились, насколько по-другому теперь звучал ее голос, как будто бы исходил он от совсем другой, не знакомой им девушки.

– Ну, вот и моя Вера пришла. Вы идите, пожалуй, ребята. Я с вами обязательно буду держать связь, хотя бы через Веру. – Алексей, распахнув дверь, впустил удивленную Веру, увешанную пакетами, и выпустил ребят, которые поздоровались с ней и сразу же попрощались с этой сладкой парочкой.

Выйдя из общаги, Стрела проговорил, улыбаясь:

– Вот, теперь я за майора Приходько спокоен. Впрочем, за свое здоровье – тоже!

– ...Слушай, Сашка, как же ты все-таки похож на моего лучшего друга, Мякиша... И, знаешь, когда ты зашел в класс, я даже вздрогнул от неожиданности – подумал, было, что это он вдруг вернулся! – Витька проговорил это сразу же после урока литературы, когда на перемене они вместе пошли в школьный буфет.

– А почему он уехал в другой город? Вроде бы, из Москвы по своей воле мало кто уезжает... Всегда как раз наоборот было!

– Да, ты прав, конечно! И, хотя это – не только моя тайна, потому что я обещал директору никому не говорить, но держать ее в себе я не могу, тем более теперь, когда мы с тобой познакомились. Знаешь, я, пожалуй, все тебе расскажу, но

обещай, что все останется между нами. И еще! Не надо требовать от меня никаких доказательств. У меня их все равно нет.

– Ну, ты меня заинтриговал, Витька.

– Можешь называть меня Стрелой.

Они сели за угловой дальний столик, и Витька принялся рассказывать своему новому другу потрясающую по своей неправдоподобности историю.

Новый Мякиш слушал с открытым ртом, забыв про остывшие макароны и стакан с жидким чаем. Ничего более фантастического он в своей жизни еще не слышал. Он даже предположить не мог, что такое может происходить наяву, в начале двадцать первого века. Но, несмотря на кажущийся абсурд этого повествования, он верил каждому слову Стрелы. И только противный звонок смог прервать это увлекательное занятие. Стрела как раз дошел до того места, когда очнулся в общежитии после исчезновения Мякиша.

– Ух, ты! – только и произнес Макашин, поднимаясь из-за стола с нетронутым обедом. – Круто! Я тащусь!

Глава 13

– Милый, а как его зовут, твоего командира? – спросила Вера, усаживаясь на койку поудобнее. Сегодня она была приятно поражена в самое сердце. Ее Леша теперь уже не только на словах, но и на деле доказал свое к ней отношение. Какая женщина останется равнодушной к такому проявлению чувств?!

Она вообще, как и большинство женщин, обожала цветы и домашний уют. А Леша своим поступком убил даже не двух, а сразу трех зайцев – с помощью прекрасных цветов он доказал свою любовь, превратив при этом жалкую обстановку общежитской комнатухи во вполне приемлемый интерьер домашнего жилья!

– Да не волнуйся ты так!

– Владимир Николаевич Зубарев, полковник, командир полка ВДВ. Послушай, а что ты ему скажешь? Мы же с тобой ничего толком не обсудили.

– Все будет тип-топ! Какой там код? Ага! Все, тише!

– Здравствуйте! Будьте любезны, я говорю с Владимиром Николаевичем? Очень приятно! Меня зовут Вера, я... э-э... знакомая майора Приходько, Алексея Алексеевича. Да, это он дал мне ваш телефон. Ой, одну минуточку, тут какие-то помехи! – Вера подмигнула Алексею и нажала кнопку громкой связи. – Извините. Сейчас меня хорошо слышно, Влади-

мир Николаевич?

– Да, только стало эхом отдавать. – Услышал Алексей знакомый до боли голос комполка.

– Ничего, что поделаешь, такая связь. Так вот, я звоню из Москвы по его просьбе.

– Да? Что с ним? – Голос Зубарева был встревоженным и каким-то уставшим. – Он жив?

– Пока да, но очень плох! Именно поэтому я сама вам и звоню. Видите ли, он попал в больницу. Похоже на сильнейшее отравление. Пока мы его обследуем. Сам он говорить не может. Все время находился без сознания. А сегодня очнулся на мгновение и попросил меня вам позвонить. – Вера явно была в ударе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.